

Предразсудки.

Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ

Модеста Чайковскаго.

Къ представленію дозволено 4 сентября 1893 г. № 4109.

Поставлена въ 1-й разъ на сценѣ московскаго Малаго театра 17 сентября 1893 г.

Разрѣшеніе постановки пьесы на сценѣ зависитъ отъ мѣстнаго агента Общества Русскихъ Драматическихъ писателей.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Дарья Алексѣевна Бѣлова.	и-жа Ермолова.
Сашенька	и-жа Панова.
Дуничка.	и-жа Щепкина.
Иванъ Николаевичъ Николаевскій.	и. Баировъ.
Владиміръ Борисовичъ Охрипининъ.	и. Правдинъ.
Софья Николаевна Охрипинина.	и-жа Медвѣдева.
Зоя.	и-жа Таирова.
Лена.	и-жа Ермолова-Кречетова.
Борись. } ихъ дѣти.	и. Ильинскій.
Поль. }	и. Рыжовъ.
Беби. }	экстернъ Ушаковъ.
Кормилица.	и-жа Харитоновна.
Федоръ, лакей	и. Кузнецовъ.
M-lle Justin, гувернантка	и-жа Гольденбергъ.

Дѣйствіе происходитъ въ наши дни въ Петербургѣ. Между вторымъ и третьимъ дѣйствіями проходитъ полтора года.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Кабинетъ Дарьи Алексѣевны Бѣловой. Убранство приличное, но безъ всякихъ претензій. Двѣ двери. Одна входная изъ пріемной, ведущая также въ переднюю. Другая въ жилую комнату. Конторка, письменный столъ и кушетка близъ камина.

СЦЕНА 1-я.

(Дуничка сидитъ за конторкой, погруженная въ занятія со счетами. Сашенька полулежитъ на кушеткѣ и разсѣянно читаетъ.)

Саш. (опуская книгу и задумываясь).

Дуничка!.. (Дуничка не отвѣчаетъ, улыбаясь въ счеты.) Дуничка!

Дун. Постойте, Сашенька, вы меня собьете. Двѣ... тысячи... девяносто семь рублей, пятьдесятъ шесть копѣекъ... А здѣсь — три тысячи сто два рубля сорокъ четыре копѣйки...

Саш. Да будетъ тебѣ считать...

Дун. Какъ можно!... нѣтъ. Пойдите, я сейчасъ кончу. Два, три, семь, восемь, пять и два, итого... вѣрно! вѣрно!... пять тысячъ двѣсти!... Каково?! Знаете, Сашенька, сколько чулочная дала Дарьѣ Алексѣевнѣ доходу?

Саш. Ахъ, да не все ли мнѣ равно сколько!

Дун. Такого еще никогда не бывало!... Вотъ, Дарья Алексѣевна говорила, что и до трехъ не дотянешь... Нѣтъ! пять тысячъ слишкомъ!...

Саш. Объясните мнѣ, съ какой стати, почему ему бросить меня? Десять дней тому назадъ онъ былъ такъ милъ, такъ ласковъ!... И вдругъ, сразу, — не приходитъ, не отвѣчать на письма...

Дун. (испузавно). Вы писали Охрипинну безъ вѣдома Дарьи Алексѣевны?

Саш. Что же ты испугалась?... Что же тутъ необыкновеннаго? Мама никогда не запрещала мнѣ прежде приглашать его безъ ея вѣдома...

Дун. Да, но теперь...

Саш. Дуничка, ты знаешь, отчего онъ молчитъ и не приходитъ... Я вижу, ты знаешь и не хочешь сказать!

Дун. Я ничего не знаю...

Саш. Ахъ, знаешь!... Вы обѣ съ мамой что-то скрываете отъ меня... Что? что это такое? Зачѣмъ ему бросить меня? За что?

Дун. Такой ужъ онъ человекъ видно! Значить, не стоилъ васъ...

Саш. Не вѣрю я этому и никогда не повѣрю! Если бы еще онъ бросилъ насъ сейчасъ же какъ мы пріѣхали съ дачи. Ну!... тамъ на безрыбьи и ракъ рыба... Поигралъ со мной, позабавился, потомъ пріѣхалъ сюда, у него столько родныхъ и знакомыхъ, и всѣ знатные, богатые — я понимаю, что онъ могъ позабыть меня! А вѣдь этого нѣтъ! Онъ здѣсь бывалъ чаще прежняго; оставилъ свѣтъ, балы и чуть не каждый день пріѣзжалъ. Въ послѣдній разъ такъ ласково прощался, и вдругъ какъ въ воду канулъ!...

Дун. Можетъ быть, родные не позволили ѣздить сюда... Охрипинны такіе чванные.

Саш. Кто это сказалъ? Охрипинны чванные?

Дун. Мнѣ такъ казалось...

Саш. Ну, такъ ты, Дуничка, перекрестись, чтобы тебѣ больше не мазалось. Ты не жила на дачѣ съ нами, поэтому не знаешь, какіе они милые. Софья Николаевна такая чудная, ласковая со мною. Не они, а мама — какъ всегда со всѣми — не хотѣла сближаться. Охрипинны не то что прежніе знакомые на дачахъ — глѣбомъ видятся, а зимою знать не хотять нѣтъ! Они и теперь нѣсколько разъ звали меня.

Дун. Звали, а отчего же сами не бываютъ?..

Саш. А у насъ развѣ, кромѣ Вани, кто нибудь бываетъ? Всегда были и будутъ одни... такъ видно надо!...

Дун. Душечка, вы точно жалуетесь...

Саш. Ахъ, я ничего не знаю кромѣ того, что я очень несчастна и что вокругъ меня творится что-то непонятное, странное... несправедливое!... Ты говоришь, Охрипинны не позволили Борису бывать у насъ? Отчего же до этихъ дней они позволяли? Развѣ что-нибудь измѣнилось? Знатны они были всегда... Мама тоже осталась тою же. Вѣдь прежде мамина чулочная мастерская не мѣшала жить насъ, отчего же теперь мѣшаетъ? Бѣдность не порокъ, да они и сами не богаты, они не могутъ гнушаться тѣмъ, что мама работаетъ, а по происхожденію она не хуже Охрипинныхъ. Покойный папа былъ полковникъ...

Дун. Душечка, что же я могу отвѣтить вамъ, потерпите — что дѣлать!

Саш. Нѣтъ, я этого не вынесу...

Дун. Полноте, то ли выносить люди!

Саш. Ты говоришь, Дуничка, со мной про Бориса, какъ будто моя любовь къ нему непризъ, шутка... Мама тоже такъ на это смотритъ... Вы обѣ ошибаетесь; это очень серьезно! Если бы еще я знала навѣрное, что она его, что онъ просто измѣнилъ мнѣ, я бы очень страдала, очень плакала, но потомъ, не жеть быть, это бы прошло... А теперь, въ этой неизвѣстности, кого мнѣ винить?...

Дун. Господи, да неужели же Дарья Алексѣевну?

Саш. Да вѣдь ты сама знаешь, что она съ не любитъ!

Дун. Такъ вѣрите же, что если не любить — значитъ за дѣло.

Саш. За какое? за какое? скажите мнѣ; потому что я кромѣ добра ничего въ немъ не знаю и не допускаю!

Дун. Я могу вамъ сказать одно, душечка. Въ послѣднее время посѣщенія Бориса Владимировича очень разстроивали Дарью Алексѣевну, а теперь, за эту недѣлю, она повеселѣла и успокоилась, хоть и видитъ, что вы случаете... Ну, можно ли подумать, чтобы такъ мать, какъ Дарья Алексѣевна, радовалась тому, что причинила вамъ горе... Значить хорошо, коли она довольна...

Саш. Ахъ, никогда ты не любила, Дуничка, иначе не говорила бы такъ...

Дун. (смущено). Ахъ, душечка моя... Не всякого любить, а любить то всякій. (Пауза. Подсаживается къ Сашенькѣ.) Вѣрите мнѣ, ваше горе большое, но какъ вы его позабудете!... (Сашенька отрицательно качаетъ головою.) Такая красавица и умница. Сколько еще у васъ счастья впереди! И васъ полюбить, и вы полюбите... А вотъ посмотрите на меня, ужъ такого урода нагода никто не любилъ и не полюбитъ...

Саш. (кладя руку на плечо Дунички, а сожальніемъ). А ты любишь?

Дун. Вотъ, видите, люблю и не рошшу...

Саш. Кого?... Ваню?...

Дун. Что вы!... что вы, душечка... Господь съ вами! Ивана Николаевича!... Даже страшно стало, какъ вы это сказали... Да какъ же бы я посмѣла!... Вѣдь онъ меня знаетъ... Нѣтъ! кого я люблю, тотъ не выдастъ и не увидать меня никогда.

Саш. Бѣдняжка моя...

Дун. Вы меня, душечка, не жалѣйте... Я вамъ къ тому говорю, что даже и въ моемъ положеніи радости есть... а подчасъ такое счастье...

Саш. Какое счастье?

Дун. А посмотрѣть хоть издали, голосъ услышать. Ахъ, какъ хорошо! Потому за что ни примешься, все для этого голоса и лица дѣлаешь. Скажешь себѣ: «ради него постарайся лучше!» и въ правду вѣдь стараешься, право, будто онъ передъ тобой стоитъ. А то накопишь денегъ и задашь себѣ работу какую-нибудь — вышивать или вязать; такъ вѣдь тогда объ этомъ только и думаешь, ночи не спишь, каждому стежку ласковое слово приговариваешь.

Саш. Я поняла, Дуничка; это ты поэтому въ оперу такъ часто ходишь?

Дун. Ну, поняли, такъ и не говорите, душечка... Стыдно какъ-то... Ну вотъ вышьешь, потомъ какъ-нибудь доставишь.

Саш. Не сказавъ отъ кого?

Дун. Что вы, душечка, зачѣмъ!

Саш. И благодарности не надо?

Дун. Еще его благодарить хочется, за то, что онъ такой, за то, что краше его нѣтъ никого на свѣтѣ, за то, что любишь его.

Саш. И умереть, никогда не высказавъ своей любви?

Дун. Нѣтъ. Иногда и выскажешь... всю душу ему откроешь, зальешься слезами, а онъ взглянетъ, утѣшитъ, ласковое слово скажетъ, руку протянетъ.

Саш. Когда же, гдѣ, когда онъ тебя не знаетъ?

Дун. А во снѣ.

Саш. (смѣется). Дуничка, да что же это такое!..

Дун. Да, душечка, такъ... Ну вотъ вы и улыбулись, и слава Богу! Только, Сашенька, голубушка, помните: никогда объ этомъ никому ни слова. И со мной не говорите, и не спрашивайте... Теперь можно было, вы посмѣялись, я и рада; а въ другой разъ нельзя: мнѣ больно будетъ. (закрываетъ лицо руками.)

Саш. (цѣлуетъ ее). Какая ты добрая у насъ. (Звонокъ.)

Дун. Это не Дарья Алексѣевна.

Саш. Вдругъ это Борскъ?

Дун. Нѣтъ, бѣдняжка вы моя, — не онъ; это Иванъ Николаевичъ.

СЦЕНА 2-я.

Входитъ Ваня Николаевскій.

Дун. Я васъ по звонку узнала.

Ваня. А Дарья Алексѣевна нѣтъ? Здравствуй, Сашенька.

Саш. Здравствуй, Ваня. (Хочетъ уходить.) Ваня (здороваясь съ Дуничкой, къ Сашенькѣ). Куда ты? Постой, мнѣ нужно тебѣ сказать два слова... Дуничка...

Дун. Секреты?

Ваня. Нѣтъ, не секреты, а маленькій разговоръ.

Дун. Ну, а мнѣ надо въ мастерскую заглянуть. Оно и кстати. (Уходитъ.)

Саш. Что, Ваня?

Ваня. Изволишь-ли видѣть какое дѣло. Мнѣ необходимо рѣшить вопросъ относительно моей службы...

Саш. Чѣмъ же я могу тебѣ помочь?

Ваня. Да вотъ именно вопросъ такого рода, что ты одна можешь разрѣшить его.

Саш. Какъ же это?

Ваня. Ты очень хорошо знаешь, что послѣ смерти моей сальфиды...

Саш. Ваня!...

Ваня. Что?

Саш. Зачѣмъ ты твою мать такъ называешь?

Ваня. Что жъ тутъ обиднаго! Другого имени ей нельзя было дать. Легонькая, маленькая, худенькая... Казалось вотъ, вотъ улетитъ... Какъ я ребенкомъ увидѣлъ ее въ балетномъ платьѣ, съ крылышками сзади, такъ ужъ до самой смерти не называлъ иначе... Она не обижалась...

Саш. Мало ли что! А все-таки не хорошо, все-таки она твоя мать. Вѣдь ты любилъ ее?

Ваня. Такъ что же такого! Только не какъ мать! Десяти лѣтъ я ей и по росту, и по разуму въ отцы годился! Нѣтъ, Сашенька, настоящую мать я узналъ только, когда ее не стало, когда Дарья Алексѣевна взяла меня къ себѣ на воспитаніе, а ту, иначе, какъ въ балетномъ платьѣ, я и представилъ себѣ не могу!... Да еще въ гробу, когда она, бѣдняжка, утанцевалась и антраша въ вѣчность сдѣлала... Бѣдненькая Сильфидка! Да и наконецъ! Отца моего я не смѣлъ называть отцемъ, звалъ графомъ, такъ ужъ, за одно: ни отца, ни матери, а графъ, да Сильфидка... Ну, да это все ни къ чему! А вотъ что: во всякомъ случаѣ послѣ ея смерти, твоя мать и ты единственные близкіе мнѣ люди на свѣтѣ и... Хотя ты и измѣнилась ко мнѣ за послѣднее время, а все-таки...

Саш. Ахъ, Ваня! Сколько разъ ты это говорилъ, и сколько разъ я тебѣ повторяла, что все это твое воображеніе. Я измѣнилась, можетъ быть, вообще, потому что перестала быть

ребенкомъ, но не могу же я извиниться къ такимъ друзьямъ, какъ ты, Дуничка...

Ваня. Я думалъ, что я тебѣ ближе Дунички.

Саш. Конечно, какъ товарищъ! Мы играли, мечтали вмѣстѣ.

Ваня. Ну вотъ, въ томъ то и дѣло. А теперь перестали.

Саш. Потому что болѣе не дѣти. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы ты сталъ мнѣ меньше близокъ... Съ тѣхъ поръ, что ты перѣхалъ отъ насъ, мы вообще видимся рѣже.

Ваня. Да постой, Саша! Нечего тутъ ни оправдываться, ни объяснять... Я не обижаюсь, не упрекаю, я, какъ говорится, констатирую фактъ. Ты не станешь отрицать, что за послѣднее время ты не хотѣла мнѣ говорить всего, что съ тобой происходитъ... Вѣдь такъ?

Саш. *(опускаетъ голову)*.

Ваня. Ну, а прежде этого не было... Стало быть, ты со мной больше не та. Слушай, хоть ты и молчала, но, конечно, я зналъ все, что у тебя на душѣ. Понятно, знаю и теперь, когда онъ тебя обидѣлъ...

Саш. *(плачетъ)*.

Ваня. Ну вотъ, моя милая... мнѣ предлагаютъ мѣсто въ Сибирь, очень хорошее мѣсто, но съ тѣмъ, чтобы я поѣхалъ туда немедленно, ну черезъ какую-нибудь недѣлю, и не иначе, какъ на три года. Я сегодня, сейчасъ долженъ дать отвѣтъ... Случись это двѣ недѣли тому назадъ, когда еще Охрипининъ былъ здѣсь, я бы принялъ это мѣсто, не задумавшись ни минуты. Но теперь, можетъ быть, мнѣ можно остаться?...

Саш. *(выражаетъ большое смущеніе)*.

Ваня. Конечно, не сейчасъ... не завтра... не даже черезъ годъ, но скажи мнѣ только, что это возможно когда-нибудь—и я останусь и буду ждать.—Я такъ былъ бы счастливъ считать Дарью Алексѣвну и тебя по праву своими. А переживать то, что я пережилъ за эти полгода, видѣть какъ васъ будто отнимаютъ у меня,—слишкомъ больно.—Тогда ужъ лучше быть подальше... Я говорю прямо, я не влюбленъ въ тебя, но я ношу въ себѣ... какъ это сказать?—какую-то непоколебимую увѣренность, что съумѣю сдѣлать тебя, а стало быть и мать—счастливыми... Я знаю, Дарья Алексѣвна всегда этого желала, и поэтому теперь ты одна рѣшаешь все дѣло... Но, слышишь, прежде всего откровенно... *(Пауза.)* Ну что же? да или нѣтъ?

Саш. Ваня, голубчикъ, я тебя люблю, но...

Ваня. Скажи прямо: ѣхать мнѣ?

Саш. Да.

Ваня *(встаетъ)*. Ну только и всего...

Саш. *(тоже вставая)*. Не уходи такъ! Погоди!.. Мнѣ и безъ того тяжело... *(Пауза.)*

Ваня *(обнимая ее за талію)*. Любишь его?

Саш. Ахъ Ваня!.. *(Плачетъ у него на плечѣ. Пауза.)* Теперь уѣзжай... Я не могу ничего тебѣ другого сказать, а когда вернешься... если я не буду его... я буду твоя... Не сердись на меня, мой милый... Право я не виновата...

Ваня. Знаю, знаю... Не везетъ намъ съ тобой, Сашенька! А еще говорится: везетъ, какъ незаконнорожденному.

Саш. Если бы я была, какъ ты,—незаконная—я знала бы, по крайней мѣрѣ, за что онъ обидѣлъ меня... а теперь...

Ваня *(едва владѣя собой)*. Ну!.. до свиданья.

Саш. Куда ты?

Ваня. Въ министерство... Надо же отвѣтъ дать...

Саш. Ваня, не сердись на меня.

Ваня. Ахъ, Сашенька! Что по пусту слова тратить... За что мнѣ сердиться?... А надъ тобой развѣ человекъ властенъ! *(Хочетъ уходить.)*

Входитъ Дуничка.

Дун. Куда вы? Куда? Барыня просила удержать васъ. Ей очень нужно васъ видѣть.

Ваня *(съ раздраженіемъ отъ подавляемыхъ рыданій)*. Да я сейчасъ вернусь. *(Уходитъ.)*

Дун. Что съ нимъ?

Саш. Дуничка, если ты любишь маму, Ваню и меня... Скажи, что я прошу ее, что я должна знать, почему Ворисъ меня бросилъ?

Дун. Да какъ же я посмѣю...? Что же случилось?

Саш. Ахъ, не спрашивай лучше!.. Все это невыносимо тяжело... *(Звонокъ.)* Мама! Пони, Дуничка: я серьезно страдаю. *(Убываетъ. Дуничка поспѣшно идетъ отворять дверь. Сцена нѣсколько мгновеній пуста.)*

СЦЕНА 3-я.

Входитъ Дарья Алексѣвна, за нею Дуничка.

Дун. *(входя)*. А Иванъ Николаевичъ только что вотъ ушли.

Дар. Ал. Да, я его видѣла, какъ онъ шелъ... Ну, онъ вернется... Ахъ! устала я! *(Дуничка помогаетъ ей раздѣться.)* Ну, Дуничка, плохи наши дѣла: на фабрикѣ и слышать не хотятъ объ уступкѣ...

Дун. Да что вы!

Дар. Ал. *(сидя на стулѣ)*. Въ будущаго году еще можетъ быть, а теперь и разговаривать: ни копѣйки меньше!

Дун. Такъ вы бы имъ пригрозили, что у Сивинныхъ братья будете.

Дар. Ал. Пробовали, да ихъ не проветали.

Дун. Но вы все-таки заказъ сдѣлали?

Дар. Ал. Сдѣлала... Завтра доставать.

Дун. Очень нужно, Дарья Алексѣевна... Если завтра не доставать, такъ на вторникъ хоть половину работницъ распускай.

Дар. Ал. Ну эти, что общали, то и сдѣлаютъ... Ну-съ, что же еще? Да! счеты ты свела?

Дун. Свела, барыня, какъ вы приказали.

Дар. Ал. Все? Все?

Дун. Все, конечно. Вы ахнете, душечка, барыня, когда узнаете сколько...

Дар. Ал. Ну?

Дун. Пять тысячъ двѣсти.

Дар. Ал. Что ты, вѣрно ли?

Дун. Два раза провѣряла. Вотъ посмотрите сами.

Дар. Ал. Я думала самое большое четыре.

Дун. Нѣтъ, пять съ лишкомъ.

Дар. Ал. Если бы мнѣ это сказали шестнадцать лѣтъ тому назадъ, когда я купила первую чудочную машинку... Дорогача стояла эта машинка! Чего я ни лишала себя, чтобы выплачивать за нее помѣсячно. Да!.. трудно было!.. Кстати, гдѣ эта машинка?

Дун. Да она у насъ до сихъ поръ въ работѣ...

Дар. Ал. Дѣдушка моего флота... (*Задумывается.*) Стояло бы ее подъ стекломъ поставить... на самомъ почетномъ мѣстѣ, здѣсь... Право! (*Вставая, пересаживается на кушетку.*) Ну повѣрка, это потомъ. Я очень устала. Гдѣ Сашенька?

Дун. Она сейчасъ тутъ была.

Дар. Ал. Что? Немного кисленькая? а?

Дун. Да такъ...

Дар. Ал. Блѣдненькая?.. Ну да ничего! Что дѣлать! Если бы она знала, какъ должна радоваться... (*Тихо.*) У него была какая-то скверная исторія съ гувернанткой его сестеръ. Несчастную швейцарку выгнали изъ-за него. Это я вчера только узнала.

Дун. Нашей Лизѣ Охрипининская прислуга сказывала, что будто у этой мамзель Мишлинъ даже ребенокъ былъ.

Дар. Ал. Ну, это можетъ быть и вздоръ, да намъ и дѣла нѣтъ! Была какая-то гадость... Но его больше здѣсь нѣтъ, и слава Богу! А Сашеньку надо развлечь; Богъ дастъ скоро утѣшатся. Я ей сегодня маленькій сюрпризъ сдѣлала: ложу въ оперу взяла. Ты съ нами поѣдешь?

Дун (*смутившись*). Нѣтъ, барыня, благодарю васъ.

Дар. Ал. Ахъ, Дуничка, какъ я не люблю когда ты мнѣ говоришь «барыня»! Давно пора перестать... Отчего ты не хочешь въ оперу? Вѣдь сегодня твой любимецъ поетъ.

Дун. У меня уже есть мѣсто.

Дар. Ал. Опять? Два раза абониrowана и все тебѣ мало?

Дун. Вы знаете, это мое единственное удовольствіе.

Дар. Ал. Да я не упрекаю тебя. Я такъ говорю только. Мнѣ жаль твоихъ денегъ.

Дун. Что же, родныхъ у меня нѣтъ.

Дар. Ал. Такъ могла бы прикупить на черныи день.

Дун. Вѣдь вы меня не гоните?

Дар. Ал. Глупости говоришь! Могу ли я прогнать мои руки, или мои глаза... или мои ноги? Точно ты не то, что я. Да я-то не вѣчная.

Дун. (*со слезами въ голосъ*). Ну безъ васъ мнѣ тоже ничего не надо.

Дар. Ал. (*ласково треплетъ Дуничку*). Ахъ ты!.. Что же это мы съ тобой теперь въ любви объясняться будемъ!.. (*Дуничка цѣлуетъ ей руки.*) Я какъ теперь помню когда ты 10 лѣтъ тому назадъ ко мнѣ нажиматься пришла... Такая худенькая... Что тебѣ двадцати еще тогда не было?.. Да! (*Задумывается. Вставая.*) Ахъ, ты не знаешь, какъ мнѣ сегодня хорошо! Точно выздоровѣла съ тѣхъ поръ, что этотъ франтъ прекратилъ свои посѣщенія. Хорошо еще, что я во время остановила, а то... Сашенька! Гдѣ ты?

Дун. (*нервышительно*). Дарья Алексѣевна...

Дар. Ал. Что?

Дун. Дарья Алексѣевна, она... тамъ...

Дар. Ал. Больна?

Дун. Нѣтъ! Что вы! Нисколько!

Дар. Ал. Что же ты меня пугаешь! Ну, говори, что ты хочешь сказать.

Дун. Вотъ вы сейчасъ радовались, что Борисъ Владиміровичъ не бываетъ, а Сашенька...

Дар. Ал. Что же Сашенька! Конечно, ей немного скучно... Такъ что же дѣлать!

Дун. Нѣтъ, она просила передать вамъ... Она боится сама... Что она очень несчастна, что она хочетъ знать... Нѣтъ, я не могу! Поговорите съ ней ради Бога сами...

Дар. Ал. (*ходитъ по сценѣ*). Позови ее. (*Дуничка уходитъ.*)

СЦЕНА 4-я.

Входитъ Сашенька и робко смотритъ на мать. Дарья Алексѣевна останавливается, нѣсколько времени молча смотритъ на дочь и потомъ протягиваетъ руки.

Дар. Ал. Подойди сюда!.. (*Сашенька бросается къ ней въ объятія и тихо плачетъ. Пауза.*) Ну, полно, полно. Ну что такое, что? Немного скучно? а? Обидѣли тебя, ну что же дѣлать! Вѣдь я тутъ, съ тобой. Это царапина, мы ее залѣчимъ, поправимъ, и ты снова заживешь по-прежнему.. Богъ съ нимъ, не нашего онъ поля ягода! Не стоятъ онъ тебя.

Саш. (*почти шопотомъ*). Мама, мамочка... я люблю его.

Дар. Ал. Не можетъ этого быть, Саша! Это

не любовь. Что въ немъ можно полюбить такой дѣвушкѣ, какъ ты? Вѣдь вотъ ты поводишь людей, больше чѣмъ до сихъ поръ видѣла, и ты сама убѣдишься, что такихъ ты-сячи...

Саш. Миѣ никого не нужно... никого! Я его люблю, и какой бы онъ ни былъ, онъ для меня лучше всѣхъ на свѣтѣ! Ты его не знаешь, мама!..

Дар. Ал. Знать то въ немъ нечего. Все у него только во внѣшности: красивъ, элегантенъ, а вѣдь душа его, умъ—общее мѣсто! Тебѣ ли, моя дѣвочка, полюбить самую обыкновенную, самую маленькую душеньку, какого-то шаркуна, балнаго дирижера....

Саш. (энергично). Мама! не говори такъ, перестань! я этого не могу вывести, а то.....

Дар. Ал. (испуянно). Что....? (Сашенька недоговариваетъ и закрываетъ лицо руками. Дарья Алексѣевна пристально на нее смотритъ.) Такъ значить это не мимолетное увлеченіе! Ты его любишь.... (Подумавъ.) Слушай, дитя мое. Вся моя жизнь твоя... Съ тѣхъ поръ, какъ ты на свѣтѣ, я жила, живу и буду жить только тобою... Другого у меня нѣтъ ничего на свѣтѣ... Подумай: могу ли не желать твоего счастья, въ состояніи ли радоваться твоему горю? Вѣдь нѣтъ? не правда ли? Это даже проговорить чудовищно! Ну такъ знай же: въ тотъ день, когда Охрининъ оставилъ тебя, я вздохнула свободно. И ты не смѣешь миѣ не повѣрить, когда я тебѣ скажу, что онъ тебя не стоитъ.... Вѣришь ты миѣ?

Саш. (отрицательно качая головой.) Во всемъ, мама, только не въ этомъ.

Дар. Ал. Саша, ты ли это?....

Саш. Мама, я! Только не ребенокъ, а человекъ. Я теперь начинаю видѣть и моими глазами тоже, и въ Борисѣ Владиміровичѣ я нашла все для счастья быть его женой.... Если онъ такой, какъ тысячи другихъ, тѣмъ лучше! Миѣ тяжело, наконецъ, быть какимъ-то исключеніемъ среди другихъ людей.... Я тоже хочу быть обыкновенной, какъ всѣ....

Дар. Ал. Ты его любишь такъ, даже когда онъ тебя бросилъ!

Саш. Онъ меня не бросилъ.

Дар. Ал. Какже нѣтъ?

Саш. Его заставили меня бросить....

Дар. Ал. Кто же?...

Саш. (съ отчаяньемъ.) Мама, я не знаю.... Брани, упрекай меня, но я думаю что ты.

Дар. Ал. Я? я?... О, Боже мой! ты меня подозреваешь!

Саш. Прости, прости меня, если это не такъ! Но послѣ того, что Борисъ миѣ говорилъ, я не могу, понимаешь, не могу повѣрить, чтобы онъ способенъ былъ такъ поступить. Должно было что нибудь случиться. Нельзя такъ! Наканунѣ еще онъ миѣ клялся въ любви, и

вдругъ сразу оставилъ. Мамоchка, не отвертывайся! Миѣ надо простить, я такъ несчастна, я голову потеряла... Я знала, что ты его не любишь, ты вѣдь говорила, что хотѣла бы меня видѣть женой Вани... Но я не люблю его, я не могу отдать ему моей жизни... Что же миѣ дѣлать! Онъ миѣ братъ... миѣ его жалъ, что онъ какой-то незаконный (Дарья Алексѣевна вздрагиваетъ.), но миѣ душно съ нимъ... миѣ хочется туда, гдѣ всѣ... Я и подумала, что ты просто потребовала отъ Бориса, чтобы онъ не ходилъ сюда! Теперь я вижу, что ошибалась, что скверно было обвинять тебя. Ты не виновата, я теперь вижу, но ты должна знать, что случилось.

Дар. Ал. Случилось то, что ты видишь: Охрининъ отрекся отъ тебя!...

Саш. Онъ самъ? Такъ? безъ всякаго повода?

Дар. Ал. Нѣтъ, поводъ былъ.

Саш. Мама! я тогда имѣю право требовать, что бы ты миѣ его сказала!

Дар. Ал. (молча ходитъ. После паузы.) Нѣтъ! Такъ больше не можетъ продолжаться, и разъ ты требуешь, слушай: (Во время слѣдующаго монолога, то нервно ходитъ, то садится.) Въ Таганрогѣ жилъ старичокъ генералъ, вдовецъ, съ тремя дочерьми.... У нихъ было много молодежи и между прочимъ... князь Тихвинскій, молодой, умный, блестящій, но очень несчастный... Несчастный потому, что былъ женатъ на женщинѣ совсѣмъ не любимою, и вышедшей замужъ за него только ради титула... Ну вотъ одна изъ дочерей генерала полюбила его, а онъ полюбилъ ее... Чего онъ ни дѣлалъ, чтобы добиться развода. Благиня, его жена и слышать объ этомъ не хотѣла... Нечего дѣлать—пришлось покориться.... Онъ рѣшилъ бросить Таганрогъ и уѣхать... но не одинъ: съ нимъ вмѣстѣ уѣхала и дѣвушка... Конечно, это было безуміе съ ея стороны... но онъ былъ такъ несчастенъ, такъ одинокъ!—Отецъ въ ней не нуждался; у него оставались ея сестры, а всѣмъ остальнымъ она безъ всякаго сожалѣнія пожертвовала ему.... Они скрылись за границей и тамъ, не красѣя ни передъ кѣмъ, князь могъ называть ее своею женой... Но вышло такъ, что нужно было вернуться въ Россію, сюда, въ Петербургъ... Конечно, и родные, и положеніе въ свѣтѣ, и служба не позволяли продолжать открытую связь.... Пришлось прятаться... Онъ официально долженъ былъ возвратиться къ женѣ.... но душой своей по прежнему принадлежалъ молодой женщинѣ. Она не жаловалась, потому что въ состояніи была перенести все ради тѣхъ минутъ, когда князь былъ съ нею... Къ тому же у нея родилась дочь... И въ своихъ двухъ комнатахъ пятого этажа она была очень счастлива... но не долго. Случилось страшное несчастье: князь умеръ. Безъ средствъ, безъ защиты, от-

вергнутая всѣми, она должна была выйти на улицу, гдѣ ее считали паріей, ни съ чѣмъ. Если она не погибла, то исключительно благодаря ребенку... Изъ дня въ день, часъ за часомъ у нее была только забота о немъ... Во что бы то ни стало надобно было его накормить и согрѣть.... Спасая дочь, она спасла себя.... выкарабкалась.... дѣла пошли лучше.... Ты помнишь остальное!.....

(Входитъ Ваня, и услышавъ послѣднія слова Дарьи Алексѣевны, останавливается, не подходя къ ней.)

Саш. Значить, этотъ ребенокъ я!.. Значить и я, какъ Ваня, незаконная? Какой ужасъ! Такъ вотъ почему Борисъ бросилъ меня... Я незаконная! (Закрываетъ лицо.)

Дар. Ал. Какъ? Это все, что тышла сказать въ эту минуту?! (Сашенька рыдаетъ.) Саша! Я не ждала отъ тебя этого! Я думала, что тебѣ больно будетъ узнать, чего мнѣ стоило счастье съ твоимъ отцомъ... что ты пожалѣешь и его, и мое прошлое, но чтобы ты смутилась тѣмъ, что ровня Ванѣ.... (Ваня уходитъ.) Ты меня никогда не обижала какъ теперь, и не меня лично.... Моя совѣсть чиста, я не стыжусь моего прошлаго. И если бы снова надо было пережить все, я не извинила бы ни шагу въ моей жизни. Мнѣ больно за тебя.... Оглянись на твою жизнь и найди въ ней хотя одну минуту, когда бы ты имѣла право пожалѣть себя!... Ты незаконная? да! тамъ, гдѣ-то, въ бумагахъ тебя такъ называютъ... Но что тебѣ до этого! Развѣ тебя не научили въ человѣкѣ видѣть человѣка, а не кличку, которая не можетъ сдѣлать его ни хуже, ни лучше?... Въ чемъ ты уступаешь дѣвушкамъ твоимъ лѣтъ? Ты незаконная? Что это значитъ? Тебѣ мѣшаютъ отъ этого жить? Развѣ все благородное, хорошее, истинное тебѣ не такъ-же доступно какъ другимъ? По Божьему закону ты моя!... Или ты и меня стыдишься!...

Саш. (хочетъ обнять ее). Мама!... мама!...

Дар. Ал. (отстраняясь). Что же? Тебѣ стыдно дворника, который относитъ твой видъ на жительство! Не бойся! для него ты не хуже и не лучше отъ этого! Кого? Людей съ благородной душой стыдиться нечего! А тѣхъ, кто тебя узналъ, оцѣнилъ, полюбилъ даже, какъ человѣка, а потомъ отвернулся, когда ты оказалась по бумагамъ незаконной дочерью—я была бы вправѣ назвать недостойными тебя! И такія были Охрипинны! Исочла нужнымъ объясниться съ нимъ по поводу его слишкомъ частыхъ посѣщеній и сказать то, чего никогда, никогда, ни отъ кого не скрывала, кромѣ одной тебя, и оказалось, что ему была нужна не ты, а твое званіе!

Саш. Мама! да не говори же такъ о немъ, это жестоко!...

Дар. Ал. А развѣ не жестоко то, что дѣлаешь ты?! О какъ ты плачешь? о чемъ? Скажи правду!.. Обо мнѣ? объ отцѣ твоёмъ? Нѣтъ! о человѣкѣ, который осудилъ и его, и меня, который бросилъ грязью въ мое прошлое, который, отвернувшись отъ тебя, оскорбилъ самыя чистыя, самыя святыя отношенія.

Саш. (съ отчаяньемъ.) Да чѣмъ же я виновата.

Дар. Ал. Пойди! оставь меня! оставь меня!... Это слишкомъ тяжело!... Ступай къ себѣ, ступай!... (Сашенька съ рыданьями уходитъ.)

СЦЕНА 5.

(Дарья Алексѣевна нервно ходитъ по сценѣ. Входитъ Ваня.)

Дар. Ал. Ваня... Сейчасъ что-то кончилось навсегда и что-то началось такое, отчего съ ума можно сойти!

Ваня. Я былъ тутъ и слышалъ все....

Дар. Ал. Можно ли было думать когда-нибудь, чтобы мое дитя полюбило этого человѣка... Вѣдь ты знаешь, это не пустое увлеченіе. Ова его любитъ, любитъ до того, что способна со злобой взглянуть на меня!... на меня!... Да скажи же мнѣ, что это сонъ, что я брежу.... И изъ за кого? изъ за этого ходячаго общаго мѣста, изъ за человѣка, умѣющаго мыслить, чувствовать, жить и говорить только съ чужого голоса.... Кто повѣритъ, что этотъ шаркунъ и пошлякъ оторвалъ отъ меня мое дитя. Боже, Боже мой! Созданье, въ которое я хотѣла вложить все, что есть возвышеннаго и благороднаго, не отвертывается съ презрѣніемъ отъ человѣка, способна погнушаться пустымъ прозвищемъ «незаконная». Мало того, она сана, выслушавъ все, что пострадали ея отецъ и мать, не находитъ слова участія къ нимъ! Нѣтъ! Она тоже вмѣстѣ со своимъ возлюбленнымъ стыдится незначущей клички.

Ваня (съ юречью). Незначущая кличка....

Дар. Ал. Не ты ли еще станешь увѣрять меня, что быть незаконнымъ постыдно!

Ваня. Да вѣдь и горбатымъ тоже быть не постыдно, а все-таки больно не походить на другихъ.

Дар. Ал. Старая пѣсня, Ваня, старая пѣсня! Слышали мы это!

Ваня. Такъ вѣдь она старая для васъ, и для меня, а не для Саши. Мы перешли черезъ это и помирились съ тѣмъ, что есть, какъ помирилась Дуничка съ тѣмъ, что ее тридцать лѣтъ уродомъ считаютъ. Да и потомъ: будто бы мы съ вами уже такъ застрахованы отъ ложнаго стыда. Точно я не краснѣю, какъ прежде, когда слышу это прозвище!

Дар. Ал. Такъ развѣ тебя можно приравнять къ Сашѣ! Не звукъ, а несправедливость

заставляет тебя краснѣть.... Ты вспоминаешь твоихъ титулованныхъ братьевъ! Развѣ она видѣла, какъ ты, болѣе счастливыхъ людей потому что они законные? Развѣ мать умерла у нее, какъ у тебя? Развѣ кто-нибудь отравилъ ей дѣтство, внушивъ, что и она хуже другихъ?

Ваня. Ахъ, да что вы мнѣ говорите! Сами вы чувствуете весь ядъ этого прозванья.

Дар. Ал. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Ваня. Отчего же вы до сихъ поръ щадил Сашеньку? Почему вы скрывали отъ нее, что она незаконная?

Дар. Ал. Потому что я этого не признаю. Потому что я не хотѣла вырастить моего ребенка во лжи... Да! во лжи!... Назвавъ ее незаконной, я должна была признать незаконнымъ все мое прошлое, а я не признаю закона, который осуждаетъ его! Незаконно полюбилъ несчастнаго человѣка и сдѣлать его счастливымъ? Незаконно ради спасенія его жизни пойти на встрѣчу униженію и презрѣнію всѣхъ, кого зналъ прежде? Незаконно, оставшись вѣрной всю жизнь одному человѣку, вырастить и воспитать его дочь, не потративъ на нее ни одной полушки недобытой воть этой головой и этими руками? Незаконная!... Ха! ха! Я ее сдѣлала законной!... Единственные два человѣка, которымъ я причинила горе—мой отецъ и вдова князя простили меня... Они даже не постыдились меня! Могла ли я ждать, что та, которой я отдала всю мою жизнь, когда-нибудь покраснѣетъ за мать! (*Въ изнеможении опускается на кушетку и прячетъ лицо.*)

(*Входитъ Дунечка разстроенная. Она хочетъ что-то сказать, но выжидаетъ, когда Ваня кончитъ говорить.*)

Ваня. Ахъ, Боже, Боже мой!... Какъ это вы не чувствуете!.. какъ это вы не понимаете!... Къ чему вы мнѣ все это говорили? Какое тутъ негодованіе умѣстно?... Одна жалость должна быть въ эту минуту у васъ, а не негодованіе... Послушайте меня... Не я буду говорить вамъ, а жалость, которую вы забыли, любясь собственными добродѣтелями и негодуя на людей за то, что они смѣютъ не такъ чувствовать, какъ вы! Вамъ не угоденъ человѣкъ, котораго ваша дочь полюбила... Вы сразу угадали его и оцѣнили по достоинству... Что же? помѣшали ны вашей дочери сблизиться съ нимъ?... Нѣтъ! Потому что впередъ рѣшили, что ваша дочь не должна пѣдиться чѣмъ-нибудь будничнымъ и обыкновеннымъ... Я развѣ попробовалъ вамъ указать опасность этого сближенія... Вы утверждали, что это была шутка, забавка... игра... И это была неправда! Когда Саша вамъ сказала, что это любовь,—вы расхохотались... потомъ хмурились при напоминаніи имени Охрипинина... Бѣдная дѣвочка да-

же боялась при васъ говорить о немъ... Прошло полгода и только тогда вамъ пришло въ голову, что шутка продолжается слишкомъ долго. Что за важность! У васъ было чѣмъ спугнуть любовника... Онъ кстатіи оказался изъ пугливыхъ и исчезъ! Что же, вы пожали Сашу?... Нѣтъ! вы только были рады, что отдѣлались отъ непріятнаго посѣтителя... А дочь?—Она не вправѣ была имѣть ничего другого брѣмѣ царяпины, потому что не могла, по вашему мнѣнію, любить такого человѣка!... И вдругъ оказывается, что это не царяпина, а рана! да настоящая! Ахъ, какая дерзость! Развѣ это можно, когда я въ головѣ моей приготовила ей всеѣмъ другого избранника! Коли такъ, такъ воть же тебѣ! Тотъ, кого ты любишь, тебя бросилъ, да не просто еще, а потому, что ты незаконнорожденная! Бѣднаяжка заплакала... Что же! даже въ эту минуту вы вспомнили, что тоже любили? Подумали о томъ, что испытали бы, еслибъ васъ навсегда разлучили съ княземъ! Нѣтъ! Нѣтъ!... Гдѣ тутъ думать объ этомъ! Вы слишкомъ заняты своимъ собственнымъ негодованіемъ на то, что дочь не такъ приняла извѣстіе, какъ вы все это рѣшили въ своемъ собственномъ воображеніи... Какая неблагодарность! Надо ее за это лишить и послѣдняго утѣшенія и прогнать отъ себя... Въ пылу нашего гнѣва вы не слышите ея словъ: «чѣмъ же я виновата?» и не отвѣчаете ей... Такъ отвѣтите же теперь! Чѣмъ она виновата, что полюбила человѣка не такого, какъ вы хотѣли? что онъ отказался отъ нее? что она не хочетъ быть какою-то исключеніемъ среди людей? Чѣмъ она виновата, что вы страдали и любили, и что за это на нее наложена вѣчная отиѣтка? Чѣмъ она виновата, что во время вѣчнаго признанія она не почувствовала никакого умиленья къ вашей судьбѣ, а страдала своею раною? Вѣдь вы же не умилялись ея страданіемъ!... Чѣмъ она виновата, что кончилось ея единеніе съ нами и началась своя жизнь? Отвѣйте на это и тогда негодуйте!...

Дар. Ал. (*растерянно*). Ваня... Ваня... что же дѣлать теперь?..

Дун. Дарья Алексѣевна! Сашенька очень, очень плачетъ... Она проситъ, что бы вы простили ее и пришли къ ней!...

Дар. Ал. (*порывисто вставая*). Она же проситъ моего прощенія, когда я одна во всемъ виновата!... Дитя мое! я здѣсь... здѣсь!... (*Убѣгается.*)

СЦЕНА 6-я.

Ваня (*смотритъ ей вслѣдъ*). И думать, что всякій встрѣчный можетъ надѣяться назвать ее своей матерью, а я буду ей всегда чужой! Ахъ! обидѣ!... (*Обхвативъ платкомъ, какъ бы не желая ничего ни слышать, ни видѣть, опускается у стола. Пауза.*)

Дуничка нѣкоторое время смотритъ на нго, потомъ нерѣшительно подходитъ и хочетъ положить ему руку на плечо, но задѣваетъ за стулъ и испуганно отступаетъ.)

Ваня (оборачиваясь). Ахъ, это вы! (Задумывается, не глядя на Дуничку.) Дуничка, какъ вы живете?

Дун. Какъ я живу?...

Ваня То есть я хочу узнать, какъ человекъ можетъ быть всегда такъ ровень?... Ну, теперь вы привязаны къ Дарьѣ Алексѣевнѣ—я понимаю. Ну, а если бы се не было, ну, напримѣръ, до поступленія сюда вы никого такъ-таки не любили?

Дун. Кого же? Некого было.

Ваня. Вы очень страдали въ вашемъ дѣтствѣ?

Дун. Какъ страдала? Еслибы родителей помнила, можетъ быть, и страдала бы... А меня вѣдь въ пріютъ двухъ лѣтъ взяли, а потомъ и въ магазинъ поступила...

Ваня. И никого такъ и не любили?

Дун. Я всегда все красивое очень любила.

Ваня. А некрасивое? Нѣтъ?

Дун. Къ некрасивому я очень жалостлива.

Ваня. Ну, хорошо. Но какъ же вы жили? Такъ не для кого?

Дун. Шла себѣ, стежокъ за стежкомъ.

Ваня (задумчиво). Жить, стежокъ за стежкомъ... Любить красивое, а къ некрасивому жалостлива... Сама того не подозревая, вы иногда говорите удивительныя вещи. Ну, а когда вамъ очень невыносимо грустно, что вы дѣлаете?

Дун. Шью.

Ваня. Да, стежокъ за стежкомъ.

Дун. (пауза). Иванъ Николаевичъ! Можно васъ поцѣловать?

Ваня. Что это вамъ вздумалось?

Дун. Я вѣдь отлично знаю, что вы любите Сашеньку, а между тѣмъ...

Ваня. Ахъ вы милая!... И вамъ жалко меня?

Дун. Нѣтъ! не жалко, ахъ, какъ вы хорошо поступили! (Порывисто схватываетъ его за руку и цѣлуетъ. Ваня вырываетъ руку и обнимаетъ Дуничку.)

Ваня. Только вы не такъ сказали: изъ нихъ двухъ, право не знаю, кого мнѣ больше покинуть, мать или дочь.

Дун. Покинуть!... зачѣмъ?

Ваня. Я уѣзжаю въ Сибирь на три года.

Дун. (всплеснувъ руками и лихаясь въ лицо). Иванъ Николаевичъ!... Милый вы мой!... (Звонокъ.) Вотъ теперь мнѣ васъ жалко... (Звонокъ. Дуничка поспѣшно вытираетъ слезы и идетъ къ двери.)

Ваня. Такъ лучше я тогда...

Дун. Нѣтъ, если знакомые, такъ васъ увидятъ, придется принять, а Дарьѣ Алексѣевнѣ не до гостей... (Уходитъ. Ваня задумчиво

стоитъ у стола. Дуничка поспѣшно, въ волненьи, проходитъ въ комнату куда ушла Дарья Алексѣевна.)

Дун. (Ваня). Охрипининъ... Борисъ Владиміровичъ! (Уходитъ.)

Ваня (вздвинувъ). Охрипининъ!...

СЦЕНА 7-я.

Входитъ Борисъ Охрипининъ, потомъ Дуничка.

Бор. Здравствуйте, Иванъ Николаевичъ! (Рукопожатіе.) Что это, Дарьѣ Алексѣевнѣ не здоровится, что ли?...

Ваня. Да вотъ не знаю, сейчасъ Дуничка скажетъ... (Входитъ Дуничка.)

Дун. Дарья Алексѣевна проситъ васъ обождать. Онѣ сейчасъ выйдутъ.

Бор. (утрировано почтительно.) Дарья Алексѣевна не могла выбрать болѣе прелестнаго посланника, чтобы передать мнѣ это пріятное извѣстіе. Съ вами я готовъ ждать цѣлую вѣчность.

Дун. Мнѣ некогда, Борисъ Владиміровичъ.

Бор. Совсѣмъ не некогда, а вы боитесь меня.

Дун. Что же мнѣ бояться?

Бор. Вы у меня теперь въ рукахъ... Я узналъ, кто мой соперникъ, и если еще разъ повторится то, что было третьяго дня, я убью его, это вѣрно!

Дун. А что такое было третьяго дня?

Бор. А вы думаете я не слѣжу за вами? Хотите я вамъ скажу, гдѣ вы были?

Дун. Не трудно угадать,—въ оперѣ.

Бор. Хорошо-съ, а потомъ, кто ходилъ около артистическаго подъѣзда? а!... покраснѣли?

Дун. (въ замѣшательствѣ). Совсѣмъ не покраснѣла. Что же, была, такъ была... Но больше никто никогда меня тамъ не увидитъ... (Уходитъ.)

Бор. Ладно! ладно! (Смѣется. Ваня.) Умозрительная!

Ваня. Да, такая смѣшная... Некрасивая!...

Бор. Я вѣдь въ самомъ дѣлѣ видѣлъ ее въ толпѣ психопатокъ... Это прелесть! Куда только не прячется любовь!

Ваня (пристально смотритъ на Бориса.) Да, дѣйствительно... (Беретъ шапку.) Прощайте, Борисъ Владиміровичъ, мы съ вами, вѣроятно, больше не увидимся...

Бор. Отчего такъ?

Ваня. Предлагаютъ хорошее мѣсто въ Сибирь...

Бор. А вы знаете—выгодная штука. Я самъ подумывалъ. Мой товарищъ въ прошломъ году однихъ подъемныхъ получилъ 1,500 р., не считая прогонныхъ. Только, конечно, я бы отправился не на три года, а на одинъ.

Ваня. Тогда васъ заставили бы вернуть подъемные...

Бор. Нѣтъ, я не дуракъ!... Точно нельзя выхлопотать, чтобы васъ вытребовали по дѣламъ службы. Если хотите, я это самъ ни почемъ устрою. Въ самомъ дѣлѣ, если соскучитесь тамъ, напишите, я знаю гдѣ постучаться.

Ваня. Ну-съ, желаю вамъ всего лучшаго...

Бор. Добраго пути.

Ваня (*въ дверяхъ*). Полюбите это! Бѣдная Саша!... (*Уходитъ.*)

СЦЕНА 8-я.

Входитъ Дарья Алексѣвна, ея глаза заплаканы.

Дар. Ал. Я должна поваяться... Я не ждала васъ.

Бор. Если бы дѣло было только въ моемъ рѣшеніи, я бы часу не заставилъ васъ ждать.

Дар. Ал. Вы мнѣ это говорили при послѣднемъ свиданіи нашемъ, но, извините, я не повѣрила вамъ и приняла это за простую отговорку...

Бор. Я надѣюсь въ будущемъ заслужить лучшее мнѣніе...

Дар. Ал. Вы уже его заслужили, разъ что вы здѣсь. Меня надо простить, — согласитесь, что за двѣ недѣли молчанія...

Бор. Только за десять дней, Дарья Алексѣвна.

Дар. Ал. Все же я имѣла право думать, что ваше рѣшеніе состоялось...

Бор. Дѣло было въ моихъ родителяхъ; они были очень смущены открытіемъ происхожденія Александры Сергѣевны, и я отчаявался получить разрѣшеніе на этотъ бракъ. Матушка моя женщина умная и любящая насъ, съумѣла первая встать выше этого предразсудка, но мой отецъ хотя тоже умный человѣкъ, но, ему надо извинить, — старыхъ понятій — только сегодня, благодаря настоянію матушки, далъ свое согласіе.

Дар. Ал. Видите ли, Борисъ Владиміровичъ, если бы не далѣе какъ сегодня, я не убѣдилась въ томъ какъ вы любимы моей дочерью, я бы можетъ быть не удовольствовалась этимъ согласіемъ — немножко изъ милости... Ни Саша, ни я до сихъ поръ въ ней не нуждались, теперь я и ему рада. Я готова на все, только бы мнѣ ее утѣшить. Она такъ страдает.

Бор. Прежде чѣмъ просить руки Александры Сергѣевны, по приказанію родителей я долженъ предупредить васъ, что кромѣ моего жалованья, у меня нѣтъ пока ничего...

Дар. Ал. Меня это не заботить... Моя мастерская даетъ мнѣ отъ 4 до 5 т. р., надѣюсь, со временемъ будетъ давать больше... Если изъ этихъ денегъ вы будете меня кормить и шить по платью въ годъ, то остального вамъ хватить, чтобы не нуждаться. Къ

тому же у моей дочери есть ея личное состояніе...

Бор. Ея личное состояніе?

Дар. Ал. Вдова ея отца десять лѣтъ тому назадъ, выходя замужъ за очень богатаго человѣка, передала свою вдовью часть Сашѣ... всего 75000, но я не тронула ихъ и теперь составилось около 100000 съ лишкомъ.

Бор. (*взволнованно*). Такъ отчего вы раньше объ этомъ ничего не сказали?

Дар. Ал. Если бы я знала, что эти деньги такъ обрадуютъ васъ, я бы сказала...

Бор. Я не скрываю, я очень радъ этимъ деньгамъ.

Дар. Ал. Онѣ можетъ быть сократили бы время вашихъ колебаній?

Бор. Я любилъ вашу дочь и безъ нихъ.

Дар. Ал. Простите меня, это правда. Теперь я должна вамъ сдѣлать очень щекотливый вопросъ. У вашихъ сестеръ была гувернантка... *Micheline!*

Бор. (*смущенно*). Дарья Алексѣвна, кто изъ молодыхъ людей не грѣшенъ?...

Дар. Ал. Такъ это правда?

Бор. Но я уже полтора года съ ней не вижу...

Дар. Ал. И васъ ничто... ничто не связываетъ съ ней?

Бор. Ничто.

Дар. Ал. Она не несчастна?

Бор. Она опять гдѣ-то въ гувернанткахъ. Во всякомъ случаѣ я себя съ нею никакими общаніями не связывалъ. Она знала, что я не женюсь на ней.

Дар. Ал. (*смущенно*). Она... теперь... одна?...

Бор. Я вамъ сказалъ, что она на мѣстѣ... (*Пауза.*)

Дар. Ал. Теперь, прежде чѣмъ дать вамъ окончательный отвѣтъ, я напоминаю вамъ, что вся моя жизнь въ Сашѣ. Мы тѣснѣе связаны, чѣмъ это бываетъ въ законныхъ семьяхъ... поэтому не разлучайте насъ...

Бор. Боже меня сохрани!...

Дар. Ал. Значитъ вы входите къ намъ, къ такимъ, какъ мы есть... безъ колебаній и задней мысли?...

Бор. Да! Я люблю вашу дочь больше всего на свѣтѣ...

Дар. Ал. (*протягивая руку*). Она ваша. (*Борисъ цѣлуетъ руку.*) Саша! Сашенька! приди сюда...

СЦЕНА 9-я.

Входитъ Сашенька и робко вопросительно смотритъ на мать и на Бориса.

Дар. Ал. Саша, не горюй больше... Борисъ Владиміровичъ проситъ твоей руки...

Саш. Какъ? Вы значить не погнушались мною! Вы все-таки меня любите?... О, вы добры! я знала это! *(Протягиваетъ ему руки, Борисъ цѣлуетъ изъ; Дарья Алексѣевна смотритъ на нихъ утирая слезы.)* Мама!... и ты согласилась?... Благодарю тебя...

Дар. Алем. Дитя мое, возьми все, только бы мнѣ не видѣть больше твоихъ слезъ!..... *(Обнимаетъ дочь.)*

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

У Охрипичиныхъ. Дамскій кабинетъ. Кретоновья занавѣски и мебель не первой свѣжести.

СЦЕНА 1-я.

Софья Николаевна, Лена и Зоя выбираютъ образчики для платья.

Соф. Ник. Перестаньте спорить пожалуйста! Сказано, что платья будутъ одинаковыя.

Лена. Я ничего не говорю, пусть одинаковыя. Ужъ если ты такъ рѣшила, пусть такъ и будетъ. Но, мама, надо быть справедливой. Въ послѣдній разъ для Зои цвѣтъ нашихъ платьевъ былъ красный...

Зоя. Совсѣмъ не красный, а бордо!

Лена. Что же бордо зеленого цвѣта, что ли?...

Зоя. Совсѣмъ не зеленого, а большая разница красный, т.-е. пунцовый, дѣйствительно больше къ лицу брюнеткамъ, а бордо ко всѣмъ одинаково.

Лена. Одинаково? бордо? вотъ ужъ никогда!

Зоя. Всегда! это всѣмъ извѣстно, любого спроси! Мама, скажи пожалуйста, неправда ли бордо ко всѣмъ идетъ?

Соф. Ник. Ахъ, какія вы несносныя, право!

Лена. Вотъ видишь, ты только раздражаешь мамочку.

Зоя. Всякій, всякій скажетъ, что ко всѣмъ идетъ, и я не виновата, если ты во всемъ не права!...

Лена. Ты то хороша очень!... Взгляни на себя!

Соф. Ник. Послушайте, да что это наконецъ такое! Маленькія вы, что ли? Слава Богу! младшей 24-й годъ стукнулъ—и ведете себя какъ дѣвчонки! Споры, споры, просто съ ума сойти! Извольте выбрать сейчасъ образчики, а то я, не спрашивая, сама выберу. Совровища какія! Право, Беби умѣе васъ!...

Лена. Мамочка, позволь намъ, ну хоть на этотъ разъ только, разныхъ цвѣтовъ...

Зоя. Пусть фасонъ будетъ одинъ и тотъ же у обѣихъ, только разные цвѣта! Мамочка, пожалуйста!...

Лена *(цѣлуя руки Софьи Николаевны)*. Ради Бога!...

Соф. Ник. Ну хорошо. Отвяжитесь только!...

Лена. Мамочка, позволь мнѣ тогда вотъ этотъ взять.

Зоя. Извините пожалуйста, я его раньше васъ выбрала.

Лена. Когда это? гдѣ это?

Зоя. Ахъ, Лена, какая ты безсовѣстная! Здѣсь сейчасъ, при тебѣ, вотъ тутъ!...

Лена. И не воображала даже!... Ты совсѣмъ другой выбрала.

Зоя. Да вѣдь ты же сейчасъ кричала, что бордо тебѣ не къ лицу, а выбираешь бордо!

Лена. Это бордо? Перекрестись пожалуйста!

Зоя. А что же это по твоему?...

Лена. Фрезъ экразе.

Зоя. Ну посмотрите ради Бога! Мама! да скажи ей, что она вреть!...

Соф. Ник. Опять то же самое! Только что сейчасъ я вамъ говорила, а вы тутъ же опять! Ну знаете, это просто терпѣнія нѣтъ! И спорить нечего; я эти образчики отложила въ сторону и сказала вамъ, что они не про васъ писаны, что дороги, и вы должны выбирать изъ этихъ.

Лена. Да, мана, тутъ нечего выбирать, такая все гадость.

Зоя. Какія же это матерія! Тряпье какое-то.

Соф. Ник. Какія бы то ни были. Вы у меня не одиѣ; я не могу тратить на васъ тщины! И такъ мнѣ достается отъ вашего отца, что я много денегъ на ваши туалеты трачу, а я ему развѣ только половину показываю, а остальное надо изъ хозяйскихъ брать.

Лена. Ну, мамочка, пожалуйста!...

Зоя. Что же ты хочешь чтобы мы одѣвались чумичками?

Соф. Ник. Да откуда я возьму? Откуда? И прежде было трудно, а теперь и говорить нечего, когда у бѣднаго папа на 3 тысячи въ годъ меньше.

Лена. А какъ ты въ прошломъ году сдѣлала! Скажи опять папа, что дача стоитъ не 800, а 900 рублей. Онъ на дачу денегъ не жалѣетъ; вотъ тебѣ сто рублей и будетъ!

Зоя. Теперь Борисъ женится на богатой, ему значить не надо больше давать.

Соф. Ник. Женится! Во-первыхъ, еще не женился и ему деньги нужны пока, чѣмъ прежде.

Лена. Ну уже это дѣло папа. На женитьбу онъ дастъ.

Зоя. Наконецъ Борисъ можетъ теперь взять въ долгъ, а когда женится—отдать.

Соф. Ник. А Софа?

Лена. Что же Софа! Вольно же ей было за бѣднаго выходить!

Соф. Ник. Слава Богу, что хоть за такого то вышла, а вотъ вы когда замужемъ будете...

Зоя. Если будемъ одѣты какъ кухарки, конечно, никогда не выйдемъ.

Соф. Ник. А Поль? вѣдь онъ въ гвардіи... А Беби? Въ одинъ лицей за него надо 800 рублей вносить... Ахъ, просто голова бружится, когда подумаешь. Вездѣ плати, плати...

СЦЕНА 2-я.

Убѣгаетъ Беби въ припрыжку.

Беби (*радостно*). Срѣзаясь! срѣзаясь! срѣзаясь! (*Подбѣгаетъ къ матери и, обнимая, цѣлуетъ въ несколько приемовъ. Софья Николаевна ласково отбояривается отъ ея объятий.*)

Соф. Ник. Беби! .. ты изомнешь совѣтъ! Да ну, шалунъ, будетъ, будетъ!

Лена. Беби! Да ты съ ума сошелъ совѣтъ! какъ ты смѣешь такъ мять мамочку?! И потому срѣзаясь и еще радуешься! Это очень стыдно, что ты срѣзаясь; нужно плакать а не радоваться!...

Беби. Тебѣ то какое дѣло! Что ты лѣзешь, куда тебя не спрашиваютъ!

Лена. Ахъ ты дерзкій мальчишка! какъ ты смѣешь старшей сестрѣ такъ говорить? Мамочка, ты видишь, что онъ себѣ позволяетъ? Ты слышала какъ онъ мнѣ отвѣтилъ?

Соф. Ник. Слышала... И онъ былъ совершенно правъ. Когда твоя мать здѣсь, ты не смѣешь поднимать голоса. Это не твое дѣло!

Беби (*показывая носъ Ленѣ*). Что взяла?

Соф. Ник. Ну, Беби, довольно! это тоже не годится.

Лена. (*слезливо*). Ты его, мамочка, такъ избаловала, что онъ насъ скоро бить будетъ.

Соф. Ник. Мое дѣло избаловала и его или нѣтъ, а твое—не совать носа, куда не спрашиваютъ.

Лена. Что же, по твоему хорошо, что онъ срѣзаясь?

Соф. Ник. Именно хорошо... Представь себѣ—отлично! Я ему сама приказала срѣзаться.

Лена. Ты приказала срѣзаться?

Соф. Ник. Вотъ видишь, какъ ты опрометчива! Да, я ему приказала остаться въ классѣ, потому что онъ тогда на будущій годъ попадаетъ въ казенно-коштные.

Лена. Можно было взять его на время по болѣзни.

Соф. Ник. А ты мнѣ заплатишь за докторское свидѣтельство? Ты будешь отвѣчать, если казеннаго доктора на домъ пришлютъ? Вотъ видишь, какъ ты глупа! Скажите, какая учительница выискалась!

Зоя. (*подлизываясь*). Мамусенька, значить я могу выбрать эту матерію? (*Лена съ завистью на нее смотритъ.*)

Соф. Ник. Можешь... (*Къ Беби.*) Ты проголодался? Пойди, мое дитя, въ столовую. Тамъ тебя завтракъ ждетъ. (*Зоя, обнявъ Беби и цѣлуя его на зло Ленѣ, убѣгаетъ съ нимъ.*) Наставница кака!... (*Пауза.*) Подай мнѣ пяснясныя карты и унеси образчики. (*Лена подаетъ карты и беретъ образчики.*)

Лена. (*обиженнымъ тономъ*). Мама... что же, если ты позволила Зоѣ взять эту матерію, такъ ужъ и мнѣ ту же самую, чтобъ одинаковыя были, а то съ какой же стати у нея лучше будетъ!

Соф. Ник. Да вѣдь ты не хотѣла того же цвѣта?

Лена. Все равно... несправедливо, что же! Она будетъ въ дорогой матеріи, а я нѣтъ.

Соф. Ник. (*раскладывая пасьянсъ*). За твой характеръ стоило бы тебя наказать! Ну, что стоишь? Ступай!

Лена (*цѣлуя руку Софьи Николаевны*). Merci, maman! (*Убѣгаетъ.*)

СЦЕНА 3-я

Входитъ Поль.

Поль. (*цѣлуя руку Софьи Николаевны*). Здравствуй, мама!

Соф. Ник. Ахъ, Поль, ты мнѣ нуженъ ..

Поль. Это взаимно значить. А ты нужна мнѣ до зарѣзу.

Соф. Ник. Ну, твоя нужда извѣстна: деньги, конечно? Вѣдь это невозможно, Поль, давно ли я тебѣ дала?

Поль. Такъ что же мнѣ дѣлать!...

Соф. Ник. А мнѣ что дѣлать! Откуда мнѣ взять?

Поль (*ласкаясь, не давая договорить*). Мамочка, вѣдь это я все наизусть знаю: «вѣдь, ты у меня не одинъ, Софѣ надо послать, Ленѣ и Зоѣ туалеты шить, за Беби въ лицей 800 рублей внести, Борису... а папа денегъ не даетъ».

Соф. Ник. Ты все шутишь, милый другъ, а мнѣ не до шутокъ. Я даже теперь и жаловаться на папа не могу; онъ бы и хотѣлъ дать, да не изъ чего... У меня просто языкъ не поворачивается просить у него...

Поль. Какъ такъ?

Соф. Ник. А такъ, что это мерзкое правленіе Бунинской дороги отняло у него 3000 руб. содержанія.

Поль. Ахъ оно подлое, да какъ оно смѣло!

Соф. Ник. А вотъ такъ... Взяло и отняло... Вотъ уже на три тысячи руб. меньше.

Поль. Конечно это свинство отчаянное, но вѣдь у папа еще такихъ мѣстечка два есть. Вѣдь другія правленія не собираются его гнать.

Соф. Ник. Почему мы знаемъ!... Теперь все возможно. Пока былъ нуженъ, такъ пороги обивали, ну, а оперились... такъ и ступай!

Поль. Ну къ чему такія мрачныя мысли! Ты забываешь, что за то Борисъ богатую невѣсту подцѣпилъ, а главное, если вы хотите, чтобы я былъ въ полку, я не могу обойтись съ этими деньгами, воля ваша! Вѣдь не я, а папа требовалъ, чтобы я служилъ тамъ, гдѣ всѣ Охрипинны служили.

Соф. Ник. Какъ знаешь, милый другъ, у меня денегъ нѣтъ. Я спрошу у папа—дасть, такъ дасть, а на нѣтъ и суда нѣтъ...

Поль (*ласкаясь*). Ну! значить будутъ. Если ты общала просить папа, тогда дѣло въ шляпѣ. Вотъ если бы ты сказала: проси самъ, это плохо! Тебѣ одной извѣстны минутки, когда его подковать можно.

Соф. Ник. И все болтаешь глупости! Ну довольно. Не въ этомъ дѣло. Слушай, не можетъ ли твой солдатъ, вотъ, который за лошадами смотреть, послужить въ буфетъ?

Поль. Мамочка, да я уже отдалъ вамъ моего деньщика въ полное распоряженіе.

Соф. Ник. Ахъ, да что же такого! Разъ, что папа болѣе не въ правленіи Бунинской дороги, Бѣляевъ долженъ былъ уйти.

Поль. Отчего это?

Соф. Ник. Ахъ, Господи, да вѣдь онъ же кондукторъ!

Поль. Вотъ и не подозрѣвалъ! Значить и онъ былъ даровой?... Я думалъ, что вы хоть ему платили...

Соф. Ник. Очень нужно, когда можно даромъ...

Поль. Хорошо; такъ вѣдь остается еще мой деньщикъ и курьеръ папа.

Соф. Ник. Твой деньщикъ одинъ дѣло дѣлаетъ, а курьеру постоянно мѣшаютъ служить и отзываютъ съ этими скучными министерскими послылками.

Поль. Какъ же ты хочешь, мама, чтобы мои лошади были безъ присмотра?

Соф. Ник. Да только на нѣсколько дней! Абрамъ Сахуиловичъ общалъ папа кондуктора изъ Царевкокашайскаго правленія... Можно? Да?

Поль. У меня для тебя ни въ чемъ отказа нѣтъ!.. Вотъ видишь, какой я, не то, что ты!..

СЦЕНА 4-я.

Входятъ Зоя и Лиза въ платьяхъ для гулянья. M-elle Justin стоитъ у двери.

Лена (*подбывая къ матери*). Мама!

Соф. Ник. Что еще?

Лена. Позволь намъ идти гулять безъ m-elle Justin.

Соф. Ник. Я не знаю, что вы еще скоро выдумаете, право! Вы станете скоро просить позволенія кувыряться по улицѣ на потѣху прохожимъ...

Зоя. Съ m-elle Justin такъ скучно! Она самыя неинтересныя улицы выбираетъ.

Соф. Ник. А вамъ на Невскій непременно нужно, карточки актеровъ смотрѣть... я вѣдь знаю!

Лена и Зоя. Никогда, мамочка... никогда... Позволь...

Соф. Ник. Глупости, глупости!.. и просить не смѣйте...

Зоя. А къ Сашенькѣ можно?..

Лена. Мы ее приведемъ къ обѣду...

Соф. Ник. Ну вотъ и прекрасно!...

Лена и Зоя идутъ къ m-elle Justin и проходятъ по сценѣ до выходныхъ дверей, какъ гуляютъ на улицѣ: обѣ впереди, а m-elle Justin сзади.

Поль. Вотъ вѣдь пословица правду говорить: на всякаго мудреца довольно простоты... Ужъ кажется ты умна, а не додумалась до такой простой экономіи.

Соф. Ник. Какой экономіи?

Поль. Ну на что имъ провожатый? Кто польстится на этихъ дѣвъ?

Соф. Ник. Какъ это мило, такъ говорить про сестеръ! На что имъ провожатый! Развѣ онѣ такъ воспитаны, чтобы бѣгать однимъ по улицѣ?... Бѣдныя дѣвочки!...

Поль. Да вѣдь эта Жюстинша рублей 60 въ мѣсяцъ стоитъ, а между тѣмъ ни на что другое не годна... Добро бы еще хорошенькая была, какъ Micheline, а то рожа!...

Соф. Ник. (*живо*). Поль! Тебѣ не стыдно при матери твоей поминать эту развратницу!...

Поль (*цѣлуя руки матери*). Ну, не сердись... Это совсѣмъ не входитъ въ мои расчеты... Вотъ папа. Вѣряю тебѣ мою судьбу!..

СЦЕНА 5-я.

Входитъ Владиміръ Борисовичъ.

Соф. Ник. Что ты такъ разстроенъ, мой другъ! Откуда ты? (*Поль цѣлуетъ руку отца.*)

Влад. Бор. Я сейчасъ изъ этого паршиваго правленія Бунинской дороги... Ну ужъ и доставилъ же я себѣ удовольствіе сказать имъ, чего они стоятъ!.. Представь себѣ, что они осмѣливаются мнѣ возражать?... «Вы, говорить, ваше превосходительство, годами не изволили посѣщать насъ». Ахъ вы такіе, сякіе! Да развѣ я съ тѣмъ поступалъ въ ваше такое, сякое правленіе, чтобы бумаги переписывать? «Вы,

говорить, и такъ за пять лѣтъ довольно съ насъ денегъ получили, палецъ о палецъ не ударивши». Ну ужъ тутъ я не выдержалъ. А имя то мое! уваженіе, которымъ оно пользуется, что мнѣ принесло, они этого не считаютъ?! И кто же мнѣ смѣетъ говорить? Евстигнѣевъ! Когда его дѣдъ въ передней моего отца часами выставлялъ! Это все его интриги! по рождѣ видно! И вѣдь шушеру какую понабрали! Соціалисты какіе то, въ очкахъ, чортъ знаетъ, что такое! Я не понимаю, какъ въ министерствѣ на это вниманія не обратятъ!..

Поль. Эхъ, папа, жаль, что ты меня не взялъ! Я бы съ ними разговаривать не сталъ! Разъ, два, по правой, по лѣвой!..

Соф. Ник. Перестань, Поль, глупости говорить!..

Влад. Бор. Не глупости-съ! Совершенно вѣрно! Ничего другого они не стоятъ!.. Если бы еще разумныя основанія какія-нибудь были, а вѣдь этого нѣтъ. Вздоръ! Эти 3000 р. пойдутъ въ дырявые карманы анархистовъ какихъ-то. Этакіе скоты!..

Соф. Ник. Ну что ты себя по пусту разстраиваешь!.. 3000 р. вѣдь не вернешь этимъ?

Влад. Бор. Ну, нѣтъ, это мнѣ даромъ не пройдетъ! Они увидятъ, что значить задѣтъ Охрипинина.

Соф. Ник. Ну, Богъ съ ними!.. *(Пауза.)* Скажи пожалуйста, ты былъ у Абрама Самуиловича справиться о кондукторѣ? Пришлетъ онъ его?

Влад. Бор. Пришлетъ. Прелюбопытно... По дорогѣ я заѣхалъ къ нему въ Двинскій банкъ... Да! кстати, чтобы не позабыть. Я ему передалъ твое приглашеніе обѣдать сегодня. Позаботься, чтобы все это прилично было. Ну-съ, прѣзжаю; Абрамъ Самуиловичъ ухмыляется: «что, говорить, ваше превосходительство, будете еще на евреевъ нападать? Вотъ съ тѣхъ поръ, что я ушелъ оттуда, сами видите, кто тамъ сидитъ». Что же? молчать приходится, все-таки, какіе ни на-есть, они лучше...

Соф. Ник. Изъ Двинскаго банка тебя не прогонятъ, надѣюсь!..

Поль. Мама, позволь тебѣ сказать, что Охрипинныхъ никогда еще никто, ни откуда гнать не смѣлъ. А если бы попробовалъ, то имѣлъ бы дѣло со мною.

Влад. Бор. Молодчина, Поль! вѣрно! надъ Охрипинными только Богъ и Царь!.. Нѣтъ, пока въ Двинскомъ банкѣ Абрамъ Самуиловичъ, — тамъ дѣло пойдетъ правильно!..

Поль. Люблю Абраму! толковитый человекъ!

Влад. Бор. Что и толковать!.. не любилъ я жидовъ, и не люблю, а Абрама Самуиловича нельзя не уважать... Прекрасный человекъ! Да... *(Пауза.)* Ахъ! встрѣтилъ я сейчасъ этого, ну какъ его, актера, что тутъ бы-
ваешь...

Соф. Ник. Волгина-Пермского..?

Влад. Бор. Ну да. Просилъ тебѣ передать, что даровую ложу на сегодня онъ пришлетъ...

Соф. Ник. Ну я рада, дѣвочки мои будутъ довольны!..

Поль. Мамочка, ты удивительная женщина! Нельзя тоже такъ устроить, чтобы намъ и обѣдъ даромъ присылали?

Влад. Бор. Поль, перестань! и въ моемъ присутствіи надъ твоей матерью подтрунивать не смѣй! Вотъ какъ ты его избаловала!

Поль. Папа, да я любя...

Влад. Бор. Любя, не любя... я этихъ отношеній къ матери не допускаю. Она святая и мы всѣ, сколько насъ ни на есть, должны молиться на нее...

Соф. Ник. *(трепая Поля по щекамъ.)* Папочка, онъ пошутилъ, ну что тамъ такое!..

Влад. Бор. Да вѣдь, ша сдѣге, если за тебя не вступаться иногда, такъ они всѣ тебѣ на голову сядутъ!..

Соф. Ник. Ну не сердись, ничего!

Влад. Бор. Не сердись, не сердись! Заступница! не сердись! Для нихъ отецъ и мать должны быть святыней, образцомъ! Они должны преклоняться передъ нами, а ты ихъ распустила такъ, что они скоро шутовъ гороховыхъ изъ насъ сдѣлають...

Соф. Ник. Да полно пожалуйста, кто ихъ распустилъ!

Влад. Бор. Чтожъ, по твоему, я? Есть мнѣ время заниматься ими! Ты выросла оболтусовъ, которые насъ ни въ грошъ не ставятъ! Ты была настолько добра и глупа, что вѣчными потаканіями сдѣлала изъ твоей семьи... я не знаю что! *(Въ раздраженіи ходитъ по комнатѣ. Софья Николаевна мимически говоритъ Полю, чтобы онъ ушелъ. Поль, крадучись, уходитъ, мимически напоминая о деньгахъ.)* Ораву какую то! чортъ знаетъ что!.. Съ Борисомъ теперь. Мало намъ было возни съ его Мишилкой и съ ея ребенкомъ! Нѣтъ! — опять Богъ знаетъ съ кѣмъ романы затѣвалъ! Ты вылянчила и добила моего согласія... Ну и что выходитъ изъ этого? Оказывается, что онъ будетъ въ чулочной за прилавкомъ сидѣть, трепать мое имя! Вѣдь я только сегодня узналъ, что эта госпожа устраиваетъ мнѣ квартиру тамъ же, въ чулочной! Интересное зрѣлище, какъ Охрипининъ будетъ выбѣгать, когда дверь зазвонитъ, какъ въ табачной лавочкѣ... А! вотъ и самъ онъ! Любопытно спросить у него...

СЦЕНА 6-я.

Входитъ Борисъ и цѣлуетъ руки родителей.

Соф. Ник. *(тихо).* Осторожнѣе, онъ не въ духѣ...

Влад. Бор. Скажите мнѣ пожалуйста, Борисъ

Владимировичъ, я узнаю, что вы будете состоять приказчикомъ у вашей belle-mère, что вы собираетесь на тротуарахъ, со стаканчикомъ чаю въ рукахъ, прохожихъ заманивать: «пожалуйста... самыя лучшія».

Бор. Что ты говоришь, папа!

Влад. Бор. Да какъ же! Я сегодня только узналъ—развѣ мнѣ что-нибудь говорить во время?—что эта госпожа готовить тебѣ квартиру въ своей лавочкѣ!

Бор. Я, папа, именно по этому поводу и хотѣлъ говорить съ тобой и мама. Я рѣшительно не хочу этого...

Влад. Бор. Еще бы хотѣть! Ей и безъ того дѣлаютъ честь. Даютъ имя ея дочери, а она воображаетъ уже, что Охрипининъ станетъ покупочки заворачивать... Ея дѣло теперь поблагодарить и исчезнуть въ яну, гдѣ она жила... Я вамъ говорилъ, что съ такими женщинами, какъ эта Дарья... какъ ее тамъ, чортъ ее знаетъ, по батюшкѣ... Охрипининъ можетъ имѣть дѣло только, когда онъ хорошенькій! Вы меня не слушали, вотъ теперь и расхлебывайте!

Соф. Ник. Послушай, папочка, какъ же ты хочешь, чтобы она не имѣла права выражать своего желанія?.. Вѣдь ты вспомни, что она даетъ средства къ жизни...

Влад. Бор. Начхать я хочу на ея средства къ жизни, на сто тысячъ ея дочки... Начхать! Мнѣ моя честь, моя родовая честь дороже! И слышите, я не позволю ее втапывать въ грязь! Не позволю-сь! Какъ хотите, такъ и дѣлайте!

Бор. Но, папа...

Влад. Бор. Что папа! ничего папа! Ты меня знаешь, со мной шутки плохи! Забылъ Мишленку! (*Уходитъ.*)

Бор. Мама, что же это такое?..

Соф. Ник. Ахъ, ну точно ты не видѣлъ отца не въ духъ...

Бор. Но Дарья Алексѣвна и Сашенька сейчасъ придутъ въ обѣду. Если онъ въ такомъ видѣ будетъ—чего тогда мнѣ не наговорить?

Соф. Ник. Ничего не наговорить! Будетъ разсыпаться въ любезностяхъ... Покипятятся, а потомъ изъ него хотъ веревки вей!.. (*Таинственно.*) Скажи, а тебя не беспокоитъ, что Micheline узнаетъ о твоей женитьбѣ?..

Бор. Что же она сдѣлаетъ? Она теперь дорожитъ моей репутаціей столько же, какъ своей. Да и потомъ я предупредилъ Дарью Алексѣвну.

Соф. Ник. А ребенокъ гдѣ же?

Бор. Почему я знаю!.. Вѣдь ей предлагали устроить его, она сама не захотѣла!.. ну пусть и возится, какъ знаетъ!..

Соф. Ник. Ну смотри!..

Бор. Нѣтъ, это пустяки. А вотъ вопросъ о сожителствѣ въ чуждой меня беспокоитъ. Оно невозможно!

Соф. Ник. Да вѣдь когда безъ того нельзя обойтись, такъ что же тутъ говорить!

Бор. Ну положимъ, мама, что можно. У Саши есть свои деньги и мы могли бы жить одни.

Соф. Ник. Что же, ты воображаешь, что сто тысячъ такъ много? Хорошо, пока вы одни, а дѣти пойдутъ! Какъ можно, помилуйте! А тутъ вамъ жизнь ничего не будетъ стоять. Да и потомъ отчего не жить съ Дарьей Алексѣвной? Она женщина вполне приличная, образованная; никому и въ голову не придетъ справляться: въ самомъ ли дѣлѣ она вдова или нѣтъ. Да если бы и узнали! Въ наше время, дружокъ мой, развѣ существуютъ предрасудки! Еще въ прежнее время,—а теперь никто на это не посмотритъ... Вотъ, относительно того, чтобы не жить въ чуждой, это такъ, это дѣйствительно какъ-то неприлично.

Бор. Да прямо невыносимо! Мало ли кто можетъ прѣхать, и я буду долженъ принимать тамъ же, гдѣ принимаютъ заказчиковъ моей тещи! Мама, она сегодня должна принести отвѣтъ хозяйна дома. Потолкуемъ съ ней!..

Соф. Ник. А Alexandrine какъ на это смотритъ?

Бор. Пока никакъ, но, конечно, будетъ смотреть моими глазами...

СЦЕНА 7-я.

Входитъ Сашенька.

Бор. Какъ?.. Уж!

Саш. Развѣ вы недовольны?

Бор. А какъ вы думаете?

Саш. Я думаю, что довольны, какъ я. (*Цѣлуетъ съ Софьей Николаевной.*) Здравствуйте, Софья Николаевна.

Соф. Ник. Здравствуй, мое дитя. Пора перестать церемониться... Что я тебѣ за Софья Николаевна!

Саш. Какъ? Вы позволяете? Господи, что за счастье! И руку можно поцѣловать?

Соф. Ник. (*давая руку*). Можно, мое дитя, можно! Ты моя дочка теперь.

Саш. Мнѣ давно уже хотѣлось, только я не смѣла называть васъ, какъ Борисъ... Вы не знаете, какъ я вамъ благодарна!

Соф. Ник. За что, за что же?

Саш. За то, что вы такъ добры ко мнѣ, за то что вы мать Бориса... за то, что вы не отвернулись отъ меня.

Соф. Ник. (*лаская Сашеньку*). Доброе дитя мое! Ну, а гдѣ же мои барышни?

Саш. Я не знаю. Я одна пришла.

Соф. Ник. Какъ одна? Никто тебя не провожалъ?

Бор. (*съ упрекомъ*). Опять!

Саш. Нѣтъ, сегодня на извозчикѣ, не пѣшкомъ!

Бор. Все равно, Сашенька, я просилъ...

Саш. Такъ на извозчикѣ же! Господи! Мы провожали съ мамой Ваню.

Соф. Ник. Какого Ваню?

Саш. Это одинъ нашъ знакомый; Борисъ его знаетъ. Онъ уѣхалъ на службу въ Сибирь.

Соф. Ник. Ну вотъ что, душечка, вотъ ты это себѣ запомни. Первое, пока ты еще не замужемъ, — тебѣ одной по улицѣ ни ѣздить, ни ходить непристойно.

Саш. Борисъ мнѣ говорилъ, но мнѣ такъ хотѣлось скорѣе...

Соф. Ник. Ну, коли сказалъ, такъ сказалъ; а второе, мой другъ, знакомыхъ, — не родственниковъ, — такъ не называютъ — «Ваня»! Что это такое!

Саш. Да онъ мнѣ какъ братъ...

Соф. Ник. Все равно, не дѣло, не дѣло! Ты на меня не сердись и не обижайся, но ты теперь принадлежишь къ моей семьѣ и я считаю себя въ правѣ пожуричь тебя.

Саш. Да ужъ за одно это слово, я готова цѣловать ваши руки! Я принадлежу къ вашей семьѣ! И это не сонъ!.. Мнѣ только грустно, что я такъ многого еще не знаю и, не желая, могу васъ покоробить... Мама! научите меня быть во всѣхъ мелочахъ достойной васъ, достойной моего Бориса... Борисъ, вы не сердитесь? (*Протягиваетъ ему руки.*)

Бор. (*цѣлуя ихъ*). Развѣ можно на васъ сердиться?

Соф. Ник. О, мои милые голубки! Ну, воркуйте, а я пойду по хозяйству. Надо еще къ Романову за закуской послать. (*Уходитъ.*)

Саш. И все-таки вы хмурый. Ну скажите, чего еще мнѣ недостаетъ? Говорите все... все, что вамъ не нравится во мнѣ, и вы увидите, какъ я скоро стану достойна васъ. Вѣдь я дикарка. Много ли я людей видала? Развѣ я смѣла помышлять, что войду въ такой домъ, какъ вашъ? — что меня будутъ здѣсь считать родною?

Бор. (*обнимая Сашеньку*). Милая моя!

Саш. О, я люблю васъ! Вы знаете, я даже рада, что такъ ниже васъ, потому что мнѣ такъ отрадно исполнять малѣйшее ваше желаніе, и если я жалѣю о чемъ-нибудь, то развѣ только о томъ, что вы хотите отъ меня все такихъ маленькихъ вещей. Я бы желала, чтобы вы потребовали отъ меня настоящей жертвы, какого-нибудь подвига. Ну говорите, приказывайте. Я ваша, ваша...

Бор. Вы хотите исполнить мое желаніе? Первое, не говорите мнѣ такъ, какъ сейчасъ. Это ничего мужичья, а дѣвучья...

Саш. А если я такъ чувствую? Развѣ не надо быть откровенной?

Бор. Не всегда. Больше, чѣмъ я васъ люблю, невозможно любить! Но, пока вы не жена моя, есть масса вещей, которыя неприлично высказывать.

Саш. Прилично? Развѣ въ такой любви, какъ наша, можетъ быть что-нибудь неприлично?

Бор. Нѣтъ. Но могутъ быть вещи, которыя коробятъ какъ-то...

Саш. О, я поняла! Я за васъ докончу: есть вещи, которыя коробятъ великодушіе, напоминаямъ того, что оно сдѣлало...

Бор. Опять?

Саш. Молчу, молчу...

Бор. Вы моя, я вашъ; стало быть, что жъ объ этомъ говорить!

Саш. О мой милый! Ну, это первое приказаніе, теперь второе.

Бор. Чтобы узнать второе, мы спустимся съ небесъ на землю.

Саш. Давайте, спустимся.

Бор. Вы замѣтили, что я былъ озабоченъ. Вы тутъ не при чемъ. Меня очень беспокоитъ устройство нашей квартиры.

Саш. Какъ? Только-то?

Бор. Мнѣ крайне неудобно жить тамъ, гдѣ насъ хочетъ устроить Дарья Алексѣвна.

Саш. Вы хотите жить въ другомъ мѣстѣ?

Бор. Да, не тамъ, гдѣ чудочная... потому что...

Саш. (*закрывая ему ротъ*). Да не все ли равно почему! Разъ вы этого не хотите, не хочу и я, а не хочу я — не хочетъ мама. И вы изъ-за этого пустяка дали себѣ трудъ быть не въ духѣ?.. хмуриться? Ахъ, Борисъ!

Бор. Но Дарья Алексѣвна дорожитъ этихъ.

Саш. Вы все еще не знаете маму. Она дорожитъ только моимъ счастьемъ. Да и наконецъ не все ли ей равно, гдѣ жить, лишь бы съ нами. Значить, вотъ этихъ противныхъ морщинъ больше не будетъ? Вѣдь мы уже переѣхали! Мы уже не тамъ больше? Куда мы переѣхали?

СЦЕНА 8-я.

Входятъ Лена и Зоя.

Лена. Сашенька, ты здѣсь уже! (*Зоя досторженно цѣлуетъ Сашеньку.*) Борисъ, тамъ Дарья Алексѣвна въ передней. (*Борисъ уходитъ.*) Здравствуйте, прелести мои! (*Внимается въ Сашеньку.*)

Зоя. (*цѣлуя съ другой стороны*). Нѣтъ-съ, извините, мои прелести! Шура, а мы за тобой заходили...

Лена. (*перебивая*). Намъ Дуничка сказала, что ты кого-то провожать поѣхала. Кто уѣхалъ?..

Зоя. (*перебивая*). Я говорила, что не стоить заходить, что тебя, навѣрно, дома нѣтъ. Это все Лена.

Лена. Пожалуйста, не говори неправды!

Зоя. Какая милая эта Дуничка...

Лена. Мы съ ней долго разговаривали... Неправда ли, она главная у васъ?

Зоя. Я вовсе не говорила, что она не главная, а просто другъ Дарьи Алексѣвны.

Лена. Зоя! Да что это такое! Хочешь я и-де Justin позову? Она свидѣтель, какъ ты сказала!

Саш. Да, вѣрно, вѣрно. Вы объ правы: она главная у насъ въ мастерской.

Лена. (къ Зоя). Что взяла? Кто правъ?

Саш. И маминъ лучший другъ тоже...

Зоя. (къ Лена). А что я говорила!

Лена. Совсѣмъ нѣтъ...

Зоя. Шуринька, если бы ты знала, какъ я тебя люблю!

Лена. Пожалуйста! Борисъ мой любимый братъ всегда былъ, а вашъ — Поль, поэтому съ его женой и будете любезничать, а Шуточка моя... и я ее никому не уступаю!

Саш. Какія вы, право, добрыя, милыя... Я воображала всегда, что такія, какъ вы, гордыя, холодныя...

Лена. Нѣтъ, ты прелесть! Мы сестры уже! Я тебя обожаю! Пойдемъ къ намъ, пока мы будемъ переодѣваться къ обѣду.

Зоя. Какіе у насъ туалеты будутъ! (Уходитъ.)

СЦЕНА 9-я.

Входятъ Борисъ и Дарья Алексѣевна, потомъ Софья Николаевна.

Бор. Мама сейчасъ выйдетъ, она не знаетъ, что вы прѣехали.

Дар. Ал. Я, кажется, ужасно рано забралась! А Сашенька?

Бор. Она вѣрно у сестеръ.

Соф. Ник. (входя). Простите, cherè Дарья Алексѣевна, что я васъ не встрѣтила, но мнѣ только сейчасъ доложили, что вы тутъ.

Дар. Ал. Я прѣехала слишкомъ рано и, можетъ быть, отвлекаю васъ отъ дѣла.

Соф. Ник. Нисколько, нисколько! Вы свой человекъ, что тамъ за церемоніи! Сядьте вотъ тутъ, вамъ будетъ покойнѣе. Борисъ, скамеечку.

Дар. Ал. Нѣтъ, не беспокойтесь, мнѣ и такъ хорошо.

Соф. Ник. Какъ Alexandrine насъ удивила сегодня своимъ появленіемъ.

Дар. Ал. Отчего?

Соф. Ник. Какъ вы не боитесь ее пускать совсѣмъ одну!

Дар. Ал. Что же съ ней можетъ случиться?

Соф. Ник. Ахъ, Боже мой, мало ли что! Лошадь понесетъ, пьяный встрѣтится, услышитъ что-нибудь...

Дар. Ал. Развѣ провожаніе ее отъ этого избавитъ?

Соф. Ник. Все-таки... Нѣтъ, я на этотъ счетъ страшная трусиха. Я не знаю, назовите это, если хотите, предразсудкомъ, но если встрѣтишь барышню одну, сейчасъ какъ-то невольно дурно о ней подумаешь. Потому, эти привычки къ самостоятельности лишаютъ ихъ той дѣвственной прелести, той ingénuité... чистоты, которые, — какъ тамъ не судите, все-таки главное ихъ украшеніе. Я всегда этимъ дорожила въ моихъ дочеряхъ.

Дар. Ал. Я не совсѣмъ понимаю васъ въ этомъ случаѣ.

Соф. Ник. Господи! Что торопиться! Придетъ время, узнаютъ жизнь, будутъ самостоятельны... Вы меня извините, я ее пожурила немного.

Дар. Ал. (съ безпокойствомъ). И что же она?

Соф. Ник. Ахъ, это такое милое, прелестное дитя! она восковая у васъ.

Дар. Ал. (задумчиво). Да... восковая...

Соф. Ник. Право, я люблю ее какъ родную дочь: такая милашка, такъ и просится на ласку!

Дар. Ал. Борисъ Владиміровичъ, я сегодня была у хозяина дома. Онъ обѣщалъ завтра прійти посмотрѣть, можно ли увеличить нашу квартиру.

Соф. Ник. Вотъ я пожурила сегодня Alexandrine, а теперь вы, Дарья Алексѣевна, пожурите вашего будущаго сына.

Дар. Ал. За что?

Соф. Ник. А что бы онъ съ вами былъ откровеннѣе.

Дар. Ал. Въ чемъ вы со мною не откровенны?

Бор. Видите ли, Дарья Алексѣевна, мнѣ очень неудобна ваша квартира.

Дар. Ал. Отчего же вы не хотѣли раньше этого сказать? Мѣнять квартиру въ это время года немного затруднительно; но разъ, что она вамъ не подходитъ, возьмете другую.

Соф. Ник. Ну вотъ, подите! Я ему говорила нѣсколько разъ, а онъ мнѣ твердитъ, что вы такъ дорожите чулочной. Я ему возражаю, что Дарья Алексѣевна прежде всего умная женщина и пойметъ все... Господи! чулочная, чулочная... но счастье дѣтей все таки стоитъ больше!

Дар. Ал. Виновата, я не понимаю, какъ моя чулочная можетъ мѣшать счастью дѣтей...?

Бор. Вотъ въ чемъ дѣло, Дарья Алексѣевна. Я дѣйствительно виновата, что объ этомъ не заговорилъ раньше, но въ первое время я такъ былъ отуманенъ моимъ счастьемъ, что не думалъ о мелочахъ. Дѣло не въ квартирѣ, а именно въ чулочной. Я пришелъ къ убѣжденію, что наше житіе въ ней представляетъ большія неудобства.

Дар. Ал. Какія?

Бор. Ихъ не перечислить!

Дар. Ал. Назовите для примѣра одно, чтобы я поняла, что собственно вамъ непріятно.

Соф. Ник. Милая Дарья Алексѣевна, видите ли, онъ принадлежитъ и по рожденію, и по воспитанію, и по службѣ, наконецъ, къ средѣ, въ которой дѣйствительно могутъ посмотрѣть на это косо....

Бор. Да не могутъ, а навѣрно посмотрятъ. Ну вотъ вы спрашиваете, Дарья Алексѣевна, какія неудобства. Скажите, пожалуйста, какъ я

могу принять, — я уже не говорю тамъ постороннихъ лицъ, — но даже мою мать и сестеръ въ квартиру, куда можетъ подниматься вмѣстѣ съ ними какая нибудь заказчица, Богъ знаетъ, какого положенія въ свѣтѣ?

Дар. Ал. Но вѣдь дѣвушка, которую вы назовете вашей женой, не стала хуже отъ того, что даже иногда вела дѣловые разговоры съ этими заказчицами... *(Неловкое молчаніе).*

Соф. Ник. Милая Дарья Алексѣевна, повѣрьте, что ни Борисъ, ни я не имѣли ни малѣйшаго желанія васъ какъ нибудь задѣть... Боже мой! Очень можетъ быть, что это предразсудокъ, но вѣдь всѣхъ людей не передѣлаешь!

Бор. Найдите человѣка моего круга, который бы не нашелъ моего требованія разумнымъ. Дарья Алексѣевна, поймите, что...

Дар. Ал. Борисъ Владиміровичъ, не пробуйте втолковать мнѣ то, чего я никогда не пойму.... Я вижу, что это все или выше или ниже моего пониманія.... но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы я вамъ навязывала мой взглядъ на вещи... Хорошо... обсудите, что же дѣлать теперь.....

Бор. Ахъ, Дарья Алексѣевна, очень простую вещь: оставьте чулочную.

Дар. Ал. Какъ оставить?

Бор. Самое лучшее совсѣмъ... ну ее!

Дар. Ал. Совсѣмъ? Но чѣмъ я буду жить, Борисъ Владиміровичъ?

Бор. Развѣ нельзя продать ее?

Дар. Ал. Можно, но за безцѣнокъ. И что же я буду дѣлать тогда?

Соф. Ник. Совершенно лишнее продавать, если она даетъ хорошій доходъ.

Бор. Да, но, мама, какъ же иначе?

Соф. Ник. А развѣ Дарья Алексѣевна не можетъ продолжать вести дѣло и не живя въ мастерской? Точно всѣ фабриканты живутъ непремѣнно на фабрикахъ!

Бор. И все таки всегда, всѣ будутъ знать, что мы торгуемъ чулками, и это будетъ такъ же смѣшно, какъ если бы мы и не переѣзжали!

Соф. Ник. Вовсе нѣтъ! Кто же это будетъ знать? Точно нельзя скрыть!

Бор. Ахъ, мама, да вѣдь вывѣска то остается.

Соф. Ник. Поставьте на ней другое имя, ну хоть той же Дунечки..

Бор. Да, вотъ развѣ что это!

Соф. Ник. И отлично все устроится. Никто не будетъ знать ничего. Не правда-ли, Дарья Алексѣевна?

Дар. Ал. Нѣтъ, Софья Николаевна. Я предпочту продать мою чулочную, если она позоритъ васъ. Мнѣ это очень больно, очень обидно... Я прожила столько лѣтъ въ убѣжденіи, что ничего постыднаго въ моемъ занятіи нѣтъ. Я привыкла къ нему... изучила... Бросивъ его, я останусь безъ дѣла. Но все-таки это луч-

ше того, что предлагаете вы. Тамъ, ради дочери, я лишусь дѣла и нѣсколько тысячъ въ годъ, здѣсь же я пожертвую чѣмъ-то большимъ....

Соф. Ник. Да чѣмъ, чѣмъ, сбере Дарья Алексѣевна?

Дар. Ал. Правомъ не скрывать и не стыдиться того, что я дѣлаю. *(Пауза).*

Бор. Въ такомъ случаѣ, я рѣшительно не вижу исхода изъ этого положенія.

Дар. Ал. *(со слезами въ юлостъ.)* Нѣтъ, есть еще одинъ исходъ.... Базалось бы, самый простой... Ахъ, неужели же въ самомъ дѣлѣ я должна оставить Сашу!.. *(борется съ рыданиями).*

Соф. Ник. Да никто даже и не думаетъ этого! Богъ съ вами!.. что вы!... Милая Дарья Алексѣевна!..

Дар. Ал. Софья Николаевна, прошу васъ, не успокаивайте меня.. такъ хуже!.. Дайте мнѣ немного помолчать... Это сейчасъ пройдетъ....

Бор. Прикажете воды?

Дар. Ал. Ничего не надо... ничего... *(Софья Николаевна и Борисъ отходятъ немного въ сторону. Дарья Алексѣевна отворачивается и, постыдно вытирая слезы, старается побороть себя).*

Бор. *(тихо Софью Николаевну.)* И чѣмъ ты разувѣрила ее? Если сама заговорила, то тѣмъ лучше!

Соф. Ник. Ахъ, оставь! Не знаешь ты, что значить быть матерью... Бѣдная женщина!..

Бор. Бѣдная, но что же дѣлать, когда иначе нельзя. Мнѣ самому ее жаль, а все-таки самое умное было бы ей... оставить насъ...

Соф. Ник. Батюшки! папа! что, если онъ не утихъ еще!

Бор. Ну, быть бѣдѣ! *(Софья Николаевна подходит къ Дарьѣ Алексѣевнѣ).*

Соф. Ник. Пожалуйста, при мужѣ ни слова о чулочной...

Дар. Ал. Почему? *(удивленно смотритъ на Софью Николаевну, которая вмѣстѣ съ Борисомъ со страхомъ ждетъ Владиміра Борисовича).*

СЦЕНА 10.

Входитъ Владиміръ Борисовичъ, сладко улыбаясь; за нимъ вскорѣ Польша и изъ другихъ дверей Сашенька среди Зои и Лени.

Вл. Бор. Bonjour, chere Дарья Алексѣевна! *(Задерживая ея руку)* Нѣтъ! я старовѣръ! рукопожатій не признаю; въ особенности, когда имѣю дѣло съ такой прелестной ручкой.. *(цѣлуетъ).*

Соф. Ник. *(къ Борису).* Ну, слава Богу! Я говорила, что ягненкомъ будетъ.

Вл. Бор. А гдѣ же ваша барышня? *(Входятъ Сашенька, Зоя и Лена).*

Дар. Ал. Вотъ она, съ вашими вмѣстѣ.

Вл. Бор. (*Сашенька подходитъ къ нему.*)

Bonjour, mon enfant! Ну, ужъ съ вами безъ разговоровъ, прямо въ щеку! Ну, а пока женихъ не видить.... еще, вотъ такъ.

Бор. Папа, я вижу!

Вл. Бор. Экая досада. А ну, впрочемъ, смотри. (*Еще цѣлуетъ Сашеньку*). Вы, пожалуйста, ему воли не давайте... Это такой нардедецъ!..

Бор. (*шутливо*). Папа, а ты забылъ, что мама здѣсь?

Соф. Ник. (*грозя пальцемъ*). Ну, ты, мой феракуръ, пожалуйста...

Вл. Бор. (*стараясь быть смѣшнымъ*). Вотъ попался, такъ попался! Люди добрые, не выдавайте меня! Матушка барыня, Софья Николаевна, простите, простите меня грѣшнаго!.. (*Разражается хохотомъ. Обхватываетъ Лену и, повернувъ ее, какъ бы заслоняя себя отъ Софьи Николаевны, опускается на стулъ, продолжая хохотать. Всѣ смислительно смѣются.*)

Поль (*къ Борису*). Терпѣть не могу, когда онъ поясничаетъ! (*Подходя къ матери*). Мама, а деньги?

Соф. Ник. Деньги? Ахъ, сейчасъ: теперь легко. (*Подходитъ къ Борису Владиміровичу*) Папочка, дай мнѣ, пожалуйста, ключи отъ стола...

Вл. Бор. Зачѣмъ тебѣ?

Соф. Ник. (*небрежно*). Тутъ счетъ отъ Романова принесли, потомъ Поль... просилъ тамъ...

Вл. Бор. Какъ Поль! опять?

Соф. Ник. Нѣтъ, совсѣмъ особенное... Я тебѣ потомъ объясню...

Вл. Бор. (*отдавая ключи*). Пожалуйста, только оставь мнѣ хоть немного. (*Къ Дарьѣ Алексѣвнѣ*). Бѣдовый народъ эти маменьки! дай имъ только волю! все отдадутъ, а о мужьяхъ и не думаютъ! (*продолжаетъ разговоръ съ Дарьей Алексѣвной Софья Николаевна проходитъ мимо Поля*).

Поль (*къ Софьѣ Николаевнѣ*). Есть?

Соф. Ник. Конечно! (*Уходитъ*.)

Вл. Бор. Борисъ, Alexandre! а я о васъ сегодня подумалъ и приготовилъ вамъ маленький сюрпризъ. Я не знаю, какъ у васъ рѣшено, потому что это дѣло не моего департамента, но предполагаю, что, какъ на всѣхъ порядочныхъ свадьбахъ дѣлается, вы послѣ вѣнца поѣдете за границу. И вотъ сегодня, когда я былъ у Зильберштейна, мнѣ пришло въ голову взять два даровые билета вплоть до границы.

Бор. Туда и обратно?

Бор. Вл. Вотъ они.

Бор. Merci, papa... (*Цѣлуетъ его руки.*)

Лена. Ахъ, счастливица Сашенька!

Зоя. Ты довольна, Шура? Ахъ, какъ я была бы счастлива!...

Лена. Подумай! Вѣдь на это цѣлый туалетъ можно сдѣлать! Ты рада?

Саш. Если Борисъ радъ, то и я.

Вл. Бор. А что скажетъ моя красавица? Развѣ это не стоитъ поцѣлуя вотъ сюда! (*Показывая на щеку.*)

Саш. (*цѣлуя щеку Владиміра Борисовича*). Merci, papa. (*Лена и Зоя уводятъ Сашеньку въ юстиную.*)

Дар. Ал. Виновата, Владиміръ Борисовичъ, я не совсѣмъ поняла. Вы говорите даровые билеты?

Вл. Бор. Конечно перваго класса. Они сядутъ въ Петербургъ и выйдутъ на границѣ, не заплативъ ни копѣйки.

Дар. Ал. (*смущенная, робко*). Съ какой стати?

Вл. Бор. Какъ съ какой стати?—Чтобы не платить лишннихъ денегъ!

Дар. Ал. (*очень конфузясь*). Вѣдь они же не нищіе, Владиміръ Борисовичъ, и поѣдутъ не изъ нужды, а для удовольствія: у нихъ будутъ деньги... Зачѣмъ же имъ не платить, какъ и всѣмъ остальнымъ?

Вл. Бор. (*начиная юрлячиться*). Затѣмъ, что они не всѣ остальные, а мои дѣти! Вотъ вопросъ!

Дар. Ал. Я понимаю еще, что сами служащіе, но дѣти ихъ...

Вл. Бор. Да я и не воображаю служить тамъ, но имѣю честь называться Владиміромъ Охрипиннымъ, и всякій считаетъ за счастье сдѣлать ему любезность...

Поль (*къ Борису*). Что твоя belle mère изъ института, что ли, только что вышла? Берегись! папа заговорилъ о томъ, что онъ Охрипининъ,—скверный знакъ, какъ бы бѣды не было!

Бор. Сходискорѣй за мама... (*Поль уходитъ*.)

Дар. Ал. Я вамъ должна сказать откровенно, мнѣ эти экономіи... на чужой счетъ... какъ... то... не... (*Ищетъ слова.*)

Вл. Бор. Помилуйте, Дарья Алексѣвна, что это за щепетильность! что за предразсудки! Потомъ—что значитъ «на чужой счетъ»? (*Киняться*.) Объясните мнѣ, что такое—на чужой счетъ! Что я прощамъ какою-нибудь по вашему? Нуждаюсь я, что-ли, въ чужихъ благодѣяніяхъ? (*Фыркаетъ*.) На чужой счетъ!...

Бор. Дарья Алексѣвна, Зильберштейнъ въ данномъ случаѣ сдѣлалъ любезность папа изъ уваженія къ нему. Завтра мы въ силахъ ему отплатить вдвое большею любезностью.

Вл. Бор. На чужой счетъ!... Я, сударыня, получилъ эти билеты на счетъ моего имени и моихъ заслугъ!

Бор. Папа, Дарья Алексѣвна совсѣмъ не хотѣла...

Вл. Бор. Молчи ты! Охрипинины на чужой счетъ не живутъ!

СЦЕНА 11-я.

(*Входит поспышно Софья Николаевна, за нею Польша. Она становится между Владимиром Борисовичем и Дарьей Алексеевной.*)

Соф. Ник. Ахъ, господа, какъ здѣсь душно!... пойдите въ гостиную... и потомъ сейчасъ позовутъ къ обѣду! (*Хочетъ взять Дарью Алексеевну за талю.*)

Вл. Бор. (*изъ-за Софьи Николаевны*). Охрипинины головы своей ни предъ кѣмъ не гнуты!... (*Къ Софьѣ Николаевнѣ*.) Подожди ты!

Соф. Ник. Ну, папочка, что ты хорохоришься! Дарья Алексеевна, пойдите.

Вл. Бор. (*къ Дарьѣ Алексеевнѣ*). Позвольте вамъ замѣтить, что надъ Охрипиниными только Царь и Богъ!...

Вблаетъ Лена.

Лена. Папа! Зильберштейнъ пріѣхалъ.

Соф. Ник. Слышишь?... Абрамъ Самуиловичъ!...

Вл. Бор. Кто? Какъ же мнѣ ничего не говорить!... Гдѣ онъ, гдѣ?... (*Поспѣшно уходя, уже у двери гостининой почтительно кланяется, съ сладкой улыбкой.*) Добрѣйшій мой... (*Уходитъ.*)

Соф. Ник. Ну, слава Богу!... Дарья Алексеевна, пойдите.

Дар. Алек. Будьте такъ добры на минуту послать мнѣ Сашеньку... Мнѣ только нужно сказать ей нѣсколько словъ...

Соф. Ник. (*уходящей Ленѣ*). Лена, позови Александрине... Но вы не сердитесь?... Нѣтъ?... Онъ у меня такая горячка: нужно ему простить... (*Лена убѣгаетъ.*)

Дар. Алек. Я нисколько не сержусь.

Соф. Ник. Васъ оставить вдвоемъ?...

Дар. Алек. На одну минуту, Софья Николаевна.

Соф. Ник. Такъ мы васъ ждемъ, въ гостининой.

Бор. (*уходя съ матерью*). Вотъ во время Абрамка пріѣхалъ!...

Входитъ Сашенька.

Соф. Ник. (*къ входящей Сашенькѣ*). Александринъ, тебя мама зоветъ. (*Уходитъ.*)

Поль. (*Сашенькѣ*). Пожалуйста, пожалуйста за объясненіями къ начальству... Достанется вамъ! (*Уходитъ, смѣясь.*)

СЦЕНА 12-я.

Дарья Алексеевна и Сашенька.

Дар. Алек. (*подождая, чтобы въ комнату. Порывисто и въ помолосу*). Саша! уйдемъ отсюда, уйдемъ, моя дорогая!... Мы тутъ

чужія!... Знаешь ли, что они теперь требуютъ: чего теперь стыдятся?—Моей чуждой! И хотѣть насъ заставить стыдиться ея! Понимаешь ли, они хотѣтъ, чтобы я агала, чтобы я измѣнила всему, чѣмъ жила сорокъ лѣтъ!

Саш. Мама, что съ тобой!

Дар. Алек. Они хотѣтъ, чтобы мы подчинились ихъ предрасудкамъ и лжи... Саша!... Саша! они хотѣтъ,—но не смѣютъ выговорить—нашей разлуки!...

Саш. Мама! мамочка! Откуда ты взяла это?

Дар. Алек. Ахъ, какъ я это чувствую! какъ они это плохо скрываютъ! Они отказались уже отъ одного условія вашего брака,—откажутся и отъ остальныхъ!... Они не виноваты въ этомъ, я не осуждаю ихъ, они, какъ я, не могутъ уступить! Это нельзя... невозможно! Человѣкъ не въ силахъ измѣниться такъ вдругъ! Мы никогда не поймемъ другъ друга... безъ чьей нибудь жертвы намъ не сойтись никогда! Мнѣ теперь это такъ ясно! такъ ясно!... Саша! я тебя увѣрю, ты его забудешь... Ты найдешь, полюбишь другого человѣка, простого, какъ мы, безъ вздорныхъ предрасудковъ, который не будетъ стыдиться ни меня, ни моего труда... Дѣточка моя, ну вотъ ты часто мечта о заграничѣ... Ну хочешь, поѣдешь въ Италію... въ Римъ... Помнишь, ты такъ любила, чтобы я тебѣ о немъ рассказывала... Ну вотъ ты его увидишь... Мы будемъ въ Боллизе... Ахъ! скажи, что ты хочешь — я все сдѣлаю! Только оставимъ ихъ, Бога ради, оставимъ...

Саш. Мама, что это?... я не понимаю... за чѣмъ? за что? Если такъ, если до того дошло, то уведи меня... сама я не въ силахъ уйти... Я была такъ счастлива!... Но ты лучше знаешь... ты велишь, значить такъ надо...

Дар. Алек. Надо, надо... Саша... уйдемъ!...

Саш. Пойдемъ опять прятаться отъ всѣхъ.

Дар. Алек. (*порывисто*). Что ты сказала?...

Саш. Пойдемъ опять туда, гдѣ до сихъ поръ скрывались отъ людей...

Дар. Ал. (*съ упрекомъ*). Что ты сказала!...

Саш. Что чувствую... Уходя отсюда, я бросаю не только человѣка, котораго люблю больше всего на свѣтѣ, но то, что ты найдешь за дверями этого дома—право смотрѣть въ глаза, ничего не скрывая, ничего не стыдясь... Или ты, или я должны лишиться этого... Ты думаешь, я только въ день помолвки узнала, кто я... Нѣтъ! ты мнѣ сказала то, что я чувствовала съ тѣхъ поръ, какъ помню себя!... Да я всегда знала, что я парія, что у всѣхъ остальныхъ людей есть права, которыхъ я не имѣю... я чувствовала, что за спиною на меня киваютъ и меня жалѣютъ... Я съ завистью, съ благоговѣніемъ смотрѣла на міръ людей, куда, я знала, что ты не смѣешь, не можешь меня пустить!...

Дар. Ал. Саша!... Саша!...

Саш. Мамочка, я тебя люблю... я не въ укоръ говорю это... я хочу только, чтобы, прежде чѣмъ уйти, ты знала, что я чувствую... Ты говоришь, что я забуду его... можетъ быть! Но тогда я не стою, чтобы ты меня любила. Мама! Не могу я забыть, что опъ первый пришелъ изъ свазочнаго міра людей, не похожихъ на насъ, первый не побрезгалъ мною и повелъ за собой туда, гдѣ не надо прятаться и скрываться, гдѣ я равна всѣмъ... всѣмъ... Уйдемъ отсюда, но я не хочу тебя обманывать — мое сердце останется здѣсь и, пока я буду жить, я никогда не забуду ту ласку, ту доброту, которыя я нашла здѣсь у каждаго... Миѣ здѣсь все мило... все дорого... такъ будетъ всегда... и ради нихъ, кромѣ тебя, я готова всѣмъ пожертвовать... Теперь ты знаешь все... пойдешь!...

Дар. Ал. Нѣтъ! Такъ разстанемся теперь! Оставайся съ ними одна... Я не могу, я не хочу быть, какъ они...

Саш. Зачѣмъ ты сердилъ...? Я сказала правду... А оставить тебя я все таки не въ силахъ, я пойду всюду съ тобой!...

Дар. Ал. (порывисто). Не въ силахъ!... (Пауза.) И даже послѣ всего, что ты говорила, если я потребую — уйдешь отсюда?

Саш. Да!

Дар. Ал. (смотря пристально на дочь). Ты миѣ принесешь эту жертву? (Съ глубокой нѣжностью.) Дитя мое!...

Зоя появляется у дверей.

Зоя. Шура, Дарья Алексѣвна, вы кончили? Мама зоветъ васъ закусывать! (Уходитъ.)

(Сашенька дѣлаетъ движеніе къ выходной двери, Дарья Алексѣвна ее останавливаетъ и смотритъ на нее. Пауза.)

Дар. Ал. Мы остаемся! (Сашенька дѣлаетъ движеніе обнять ее.) Ни слова, Бога ради, я не совладаю съ собою... (Отстраняется отъ объятий.)

СЦЕНА 13-я.

Входятъ Поль и Борисъ.

Поль. Mesdames, что это вы заболтались? а мы васъ ждемъ, ждемъ. Прелестная belle-soeur, вашу руку... (Сашенька вопросительно смотритъ на Дарью Алексѣвну.)

Дар. Ал. (принимая руку Бориса). Борисъ Владиміровичъ... Я поговорила съ Сашенькой и пришла къ убѣжденію, что самое лучшее будетъ... сдѣлать съ чудочной, какъ совѣтуетъ Софья Николаевна.

(Идутъ въ гостиную.)

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

У молодыхъ Охрипининыхъ.

Гостиная; все очень элегантно и ново. Три двери. Одна изъ нихъ открыта и видна столовая.

СЦЕНА 1-я.

Изъ лѣвой двери входитъ Дарья Алексѣвна и направляется къ правой двери. Она хочетъ открыть ее, но дверь заперта. Она стучитъ три раза. Ответа нѣтъ. Она еще стучитъ.

Кормилица. (за дверью). Кто тамъ?

Дар. Ал. Это я. Отопри.

Кор. Нельзя, барыня, миссъ не приказали никого впускать.

Дар. Ал. Я не слышу. Что? Кто не приказалъ?...

Кор. Миссъ не приказали.

Дар. Ал. Такъ не меня же! Отвори!

Кор. Миссъ ушедши завтракать и строго запретили васъ пускать.

Дар. Ал. Да что случилось?

Кор. Бебинька простудилась; чихалъ, теперь спитъ.

Дар. Ал. Выйди сказать толкомъ. Что случилось? Онъ утромъ здоровый былъ.

Кор. Не приказано.

Дар. Ал. Да ты сама выйди; я не ворвусь, не бойся.

Кор. Обождите. Я сейчасъ спрошу миссъ. (Дарья Алексѣвна, стоя у двери, прислушивается.)

СЦЕНА 2-я.

Входитъ Федоръ.

Фед. (докладывая). Авдотья Семеновна Брызгина.

Дар. Ал. (испуланно оборачиваясь). Кто?

Фед. Авдотья Семеновна... значить, эта барышня... чудотница.

Дар. Ал. Ахъ! Дуничка. Я и забыла, что она такъ зовется.

Фед. Прикажете принять?

Дар. Ал. Конечно. Вотъ что, голубчикъ Фе-

дорь. Когда ко мнѣ приходитъ Авдотья Семеновна, вы можете о ней не докладывать... Я сево всякое время приму. Да и потомъ, какая же она гостя! Просто пропускайте прямо въ мою комнату.

Фед. Баринъ строго приказывали въ приемный день обо всѣхъ докладывать.

Дар. Ал. Ахъ, сегодня приемный день, я и забыла!... Тогда другое дѣло... Ступайте, хорошо. (Федоръ уходитъ.)

СЦЕНА 3-я.

Дарья Алексѣевна опять прислушивается къ дверямъ дѣтской. Входитъ Дуничка.

Дар. Ал. (Дуничка цѣлуетъ ея руку). Тебѣ богатой быть. Мнѣ сейчасъ о тебѣ доложили по имени, отчеству и фамилии, и я сразу не узнала.

Дун. Да, такой смѣшной этотъ Федоръ!... Не хочетъ меня впускать безъ доклада, да и только!... Фамилію вдругъ спрашиваетъ, а я ее и сама то забыла...

Дар. Ал. Какъ же забыла, когда она теперь уже цѣлый годъ на вывѣскѣ чулочной выписана.

Дун. А я развѣ смотрю на вывѣску!... Нѣтъ, барыня, я въ другой разъ, чтобы не смущать, съ чернаго хода къ вамъ приду...

Дар. Ал. И самое лучшее, если тебѣ все равно. А то знаешь, Борисъ приказалъ.

Дун. Да что это вы, душечка, тутъ стоите?!

Дар. Ал. Я, кажется, наказана. Меня не пускаютъ въ дѣтскую къ внуку. Я не могу припомнить, въ чемъ я могла провиниться?...

Дун. Да развѣ вы можете въ чемъ-нибудь провиниться?...

Дар. Ал. (какъ бы не слыша Дунички). Я только и видѣла его сегодня мелькомъ, когда его несли гулять... Не понимаю! Я, правда, поцѣловала его. Или ужъ и этого теперь нельзя дѣлать?...

СЦЕНА 4-я.

Кормилица пріотворяетъ дверь дѣтской и ведетъ сцену не выходя.

Кор. (протягивая кружевную косынку). Вотъ вамъ ваша косыночка, барыня. Она бѣды надѣлала. Миссъ говорить, что Бебинька простудилась и боленъ теперь, потому что вы его закутали.

Дар. Ал. Когда же я кутала?

Кор. А сегодня, когда мы гулять шли, вы его косыночкой прикрыли...

Дар. Ал. Гдѣ же прикрыла! Вѣдь ты же сама видѣла, что ребенокъ, когда я цѣловала его, уцѣпился въ косынку ручками, нечаянно стащилъ. И мы не могли ее вытянуть... Закутала! Напротивъ, чтобы онъ не согрѣлся въ

комнатѣ, я и велѣла тебѣ косынку оставить и потомъ мнѣ принести.

Кор. Я все это говорила англичанкѣ, а онѣ не вѣрятъ. Закутала, говорить.

Дар. Ал. Да если бы я и хотѣла, развѣ этимъ можно закутать!... (Къ Дуничкѣ.) Ненавидитъ меня эта англичанка! Кажется, что я ей сдѣлала?... за что бы?...

Кор. Закутала, говорить, вотъ ребенокъ и боленъ. Вы сами знаете, барыня, Борисъ Владиміровичъ строго наказывали мнѣ одну миссъ слушаться, ну, а миссъ велѣли, чтобы безъ нихъ никого не допускать къ Бебинькѣ. А какъ онѣ теперь ушедши фриштикають, такъ я и не смѣла ослушаться...

Дар. Ал. Да это все равно... Такъ что же у ребенка, жаръ?

Кор. Да нѣтъ... Такъ себѣ, чихнулъ разокъ. Другой... Нуградусникъ поставили, теперь спать. Вы меня, барыня, простите, я бы всей душой... Вотъ и сейчасъ ходила спрашивать миссъ. «Нѣтъ, говорить, покажѣсь я не пофриштивала, — нельзя»... А какъ она пофриштивала, — я вамъ сейчасъ доложу...

Дар. Ал. Ну хорошо, хорошо, ступай!... (Кормилица уходитъ.)

СЦЕНА 5-я.

Дун. Я не знаю, Дарья Алексѣевна, какъ вы терпите эту противную англичанку...

Дар. Ал. И кормилица тоже хороша... кто ихъ разберетъ. Обѣимъ подслужиться Борисъ хочется...

Дун. Я бы на вашемъ мѣстѣ обѣихъ ихъ выгнала?

Дар. Ал. (съ горькой усмѣшкой). Отчего не гонишь?

Дун. Какъ же я могу въ чужомъ домѣ?!

Дар. Ал. А какъ же я могу въ чужомъ домѣ?...

Дун. Сашенькинъ домъ вамъ чужой?

Дар. Ал. Сашенька мнѣ чѣмъ была, тѣмъ и осталась. А ея домъ мнѣ чужой... Я здѣсь не должна и не могу приказывать...

Дун. Да если бы Сашенька узнала, что эта англійская кукла себѣ позволяеть съ вами, она навѣрно сама бы ее прогнала...

Дар. Ал. А зачѣмъ ей знать? Не понимаешь ты, Дуничка... Развѣ здѣсь дѣло въ той или другой англичанкѣ! Можетъ быть это еще лучше, по крайней мѣрѣ, ужъ дѣйствительно на нее положиться можно... Совсѣмъ бы ихъ не надо! вотъ что. На то она мать!... Все бы перемѣнить... Но Борисъ такъ хочетъ, Саша согласна... пускай такъ и будетъ... (Со вздохомъ.) Значитъ такъ и должно быть... (Какъ бы прогоняя несприятельныя мысли.) Ну, все равно... Довольно объ этомъ... Что ты мнѣ пришла сказать?

Дун. Ахъ, Дарья Алексѣевна, просто и говорить страшно...

Дар. Ал. Ну?

Дун. Душечка, только вы не разстраиваете себя...

Дар. Ал. Не приготовляй, а говори скорѣе...

Дун. Дарья Алексѣевна, у Бориса Владимировича есть дочь!

Дар. Ал. *(поспѣшно отводитъ Дуничку въ сторону)*. Дочь?... Тише, тише, чтобы не слышали!...

Дун. Да, душечка, дочь. У меня сейчасъ была эта швейцарка-гувернантка.

Дар. Ал. Мишинъ? Ну что-же, она требуетъ денегъ, угрожаетъ сказать все Сашѣ?

Дун. Нѣтъ, нѣтъ, ничего... Вы не огорчайтесь.

Дар. Ал. Я даже и не удивляюсь... я только боюсь за Сашу...

Дун. Не бойтесь, ничего! Эта женщина очень хорошая. Она ничего не угрожаетъ, ничего не требуетъ, только просить. Видите ли, ей Охрипинины предлагали взять ребенка, но она побоялась, что они его въ Воспитательный домъ отдадутъ, и не согласилась. Когда она получила мѣсто, ей удалось устроить его у очень хорошихъ людей за 15 рублей въ мѣсяцъ. Ну и все было хорошо—но вотъ у нея теперь умерла мать и отецъ зоветъ непременно домой, въ Швейцарію,—ей нельзя не ѣхать... Ну, на дорогу у нее есть, а за дочь надо впередъ заплатить, вотъ и не хватаетъ... Люди то, у которыхъ дѣвочка на кормленіи, бѣдные, и никакъ безъ денегъ не могутъ... Вотъ она и обратилась къ старикамъ Охрипиннымъ...

Дар. Ал. Тише... тише... Ну, и что-же?

Дун. Они отвѣтили, что если она будетъ приставать, то Владиміръ Борисовичъ выхлопочетъ у градоначальника, чтобы ее выслали. Она уже тогда рѣшила было написать отказъ отцу, что не ѣдетъ, по Охрипининская прислуга ее надомнила комнѣ обратиться. Молъ, одинокая... можетъ не откажетъ взять. Ну вотъ она и пришла... А какъ же я могу безъ вашего позволенія такое дѣло взять! Душечка, только вы не...

Дар. Ал. Ну, теперь дѣло не во мнѣ... *(Омльдывается.)* Чтобы Саша, Боже сохрани, не вошла... Правду ли она говоритъ? *(Дуничка хочетъ что то возразить.)* Постой... *(Сображая.)* Главное, чтобы Саша ничего не узнала... это главное... главное... Слушай, поѣзжай сію минуту къ этой женщинѣ—ты знаешь, гдѣ она живетъ? *(Дуничка киваетъ головой.)* Скажи ей... какъ бы это сдѣлать, что-бы ничего не замѣтно было... Скажи ей, чтобы она сегодня въ 5 час. была у тебя въ чулочной. Тогда все рѣшимъ... а теперь ступай, чтобы тебя не застали такую

разстроенною... Я уже вижу, ты боишься, что я не возьму ребенка... *(Дуничка цѣлуетъ руки Дарьи Алексѣевны.)* Конечно, возьму, не плачь... Лишь бы Сашенька ни о чемъ не догадалась! Мы подумаемъ потомъ. Ну, ступай скорѣе, ступай... Значить въ 5 час. я у тебя...

Дун. Я чернымъ ходомъ пройду. *(Поспѣшно уходитъ.)*

СЦЕНА 6-я.

Дарья Алексѣевна нѣкоторое время стоитъ задумчивая. *Поспѣшно, какъ бы скрывая отъ самой себя, что плачетъ, утираетъ слезы и направляется къ лѣвымъ дверямъ. Входитъ Ваня.*

Ваня Дарья Алексѣевна!

Дар. Ал. *(оборачиваясь)*. Ваня! *(Порывисто обнимаетъ его.)* Да не сонъ ли это? Откуда?

Ваня. Что это съ вами? вы въ слезахъ?

Дар. Ал. Это отъ счастья тебя видѣть.—Ничего. Садись сюда... Да неужели это ты? Ты ничего не писалъ, что пріѣдешь...

Ваня. Не писалъ потому, что самъ не зналъ, что пріѣду... Это случилось такъ неожиданно...

Дар. Ал. Зачѣмъ ты здѣсь? Почему?...

Ваня. Потому что, получивъ ваше послѣднее письмо, дня не могъ оставаться тамъ больше...

Дар. Ал. И это ты для меня?... для меня...? Ахъ, Ваня! *(Беззвучно плачетъ.)*

Ваня. Что-же плакать, голубушка?...

Дар. Ал. Ничего... это приятно... пускай! *(Пауза.)* Какъ же, Ваня... а служба?

Ваня. Служба идетъ отлично... Да что мнѣ она, когда вы несчастны.

Дар. Ал. Да кто тебѣ сказалъ, что я несчастна? Я развѣ тебѣ жаловалась?

Ваня. Нѣтъ, вы не жаловались, но въ каждой строкѣ вашихъ, будто бы спокойныхъ, писемъ я читалъ настоящее... Нѣтъ, меня вы не обманете!... Я не знаю, но мнѣ всегда представляется, что мы съ вами связаны какою-то невидимою нитью, которая вѣрнѣ всякихъ писемъ передаетъ то, что вы чувствуете. Вы пишете: «Сашенька со мною все ласковѣе и добрѣе», а я уже въ одномъ томъ, что вы считаете нужнымъ сказать это, читаю: она все дальше отъ васъ уходитъ и вы становитесь все болѣе одиноки... А когда въ послѣднемъ письмѣ вы проговорились, что два года нашей разлуки вамъ представляются вѣчностью, я прочелъ: «пріѣзжай—ты мнѣ нуженъ.» Такъ вѣдь? *(Дарья Алексѣевна, нѣжно обхватывая его голову, цѣлуетъ его въ лобъ. Пауза.)*

Дар. Ал. Да. Я хотѣла тебя видѣть... Знаешь ли, прежде мнѣ было такъ легко любить, а теперь стало такъ трудно... такъ трудно!

Ваня. Зачѣмъ же вы меня хотѣли обмануть, что вамъ хорошо?...

Дар. Ал. Да я и не обманывала. Я и теперь говорю, что мнѣ хорошо. И хотѣла одного, чтобы Саша была покойна и счастлива—она покойна и счастлива, чего же больше? Она молится на мужа.

Ваня. До сихъ поръ?

Дар. Ал. Больше чѣмъ когда-нибудь.

Ваня. За что, за что?

Дар. Ал. Ахъ, будто въ жизни такъ часто любить за добродѣтели. Онъ первый ввелъ ее въ новый міръ, гдѣ все такъ удобно, покойно, пріятно. Она и повѣрила, что все у нихъ тамъ такъ-же хорошо внутри, какъ и снаружи. Она ослѣплена своей любовью, и гдѣ ей, бѣдняжкѣ, разглядѣть, какъ все это вишнее благородство и живо, и гнило... Она тамъ все принимаетъ за чистую монету и живетъ какъ въ раю.

Ваня. Я вижу, чего вамъ этотъ рай стоитъ! Вѣдь васъ узнать нельзя.

Дар. Ал. Чего бы не стоило, увѣряю тебя, мнѣ ничего не жаль... Господи! конечно, пришлось уступать... вѣдь даромъ ничего не дается... Я на все согласилась добровольно, потому что это было нужно для Саши—никто меня не принуждаетъ... и не въ этомъ мое несчастіе!... Пожалуйста, Ваня, милый, если ты увидишь что-нибудь, что тебя поколебать въ нашихъ отношеніяхъ съ Борисомъ, дай мнѣ слово не негодовать, не жалѣть меня, не упрекать.

Ваня. Что же я увижу, однако?

Дар. Ал. Что тамъ говорить! Отъ тебя не скроешь, конечно, я его не люблю... Ужъ слишкомъ мы разные... Но я должна была взять за правило не перечить ему ни въ чемъ, потому что видѣла какъ малѣйшая наша стычка отражается на Сашѣ. Борисъ здѣсь долженъ царить безраздѣльно. Ну и поэтому само собой есть масса вещей, которыя тебѣ не понравятся, но, если ты меня любишь, пожалуйста молчи...

Ваня. Ну, напримѣръ, что же?

Дар. Ал. (стысяаясь высказывать). Ну, я не знаю... Ну, напримѣръ, у насъ никогда не упоминается чулочная... Ну и пускай!

Ваня. Къ чему-же это?

Дар. Ал. (съ усиліемъ надъ собой). Видишь-ли... Онъ принадлежитъ къ такой средѣ, гдѣ на это смотреть косо; это могло бы отозваться на его служебной карьерѣ... на его дѣловыхъ сношеніяхъ...

Ваня. А! вотъ какъ!...

Дар. Ал. Ну, вотъ и все такіе же пустяки!...

Ваня. Однако, что же еще? Вы меня предупредите, потому что я могу проговориться.

Дар. Ал. Не проговорись только о моемъ прошломъ... Ты будешь здѣсь встрѣтаться съ

массой людей и, если случайно кто-нибудь о немъ спросить... говори (чуть слышно), что я двоюродный полковникъ...

Ваня. Дарья Алексѣевна!...

Дар. Ал. (вставая, рѣзко). Да когда это мнѣ нужно! Не все-ли мнѣ равно, что говорить! Когда онъ блѣднѣетъ при одномъ звукѣ: незаконнорожденный... (Взволнованно ходитъ.) Да развѣ въ этомъ дѣло! Точно я не готова на все, даже на роль водевильной тещи, когда это его забавляетъ! Пускай онъ ничтоженъ и испорченъ, но онъ любить, въ самомъ дѣлѣ любить Сашу, дѣлаетъ ее счастливой, и пускай куражится надо мною сколько угодно... за это одно я все перенесу, все прощу!...

Ваня. Такъ вотъ что значили въ вашихъ письмахъ фразы: «съ зятемъ мы ладимъ отлично»!

Дар. Ал. И правда! Единственное, что я имѣла право требовать отъ него: общеніе не вліять на мои отношенія съ Сашей, онъ пока не нарушилъ ничѣмъ. Она по прежнему любитъ меня, дорожитъ моимъ присутствіемъ и не видитъ нашей розни.

Ваня. Даже когда ему угодно обращаться съ вами, какъ съ водевильной тещей?

Дар. Ал. (останавливаясь передъ Ваней). Ахъ, да не смотри ты такъ! (Съ отчаяніемъ.) Зачѣмъ ты пріѣхалъ?... зачѣмъ ты пріѣхалъ? Опять поднялось во мнѣ то, что давно утихло!.. (Закрываетъ лицо руками и опускается у стола. Молчаніе. Рѣзко оборачивается къ Ванѣ.) Одно изъ двухъ: или жить для себя... или жить для Саши... середины нѣтъ, а развѣ можетъ быть выборъ?!... А жить для Саши, значить, сторожить ее покой и счастье какой бы то ни было цѣною! Я это дѣлаю, и скажи мнѣ, что еще осталось сдѣлать—я сдѣлаю съ себя послѣднее и никто не посмѣетъ сказать, что я любила себя больше, чѣмъ ее! Не это страшно, не въ этомъ горе! Ужасно то, что когда она, улыбаясь, съ радостнымъ лицомъ говоритъ мнѣ — «я счастлива», вмѣсто довольства и умиленія во мнѣ шевелится что-то скверное, почти злобное, и все впередъ становится такимъ неутолимо безотраднымъ, что я боюсь за себя... точно ничего больше не осталось и на все спустилось что-то вѣчно... вѣчно... сѣрое!... Ваня, мнѣ тогда кажется, что я уже не люблю ее.

(Изъ столовой проходитъ въ дѣтскую кормилица.)

Дар. Ал. (искусственно спокойно и тихо.) Ты надолго къ намъ, Ваня? Ты не видалъ еще моего внука—какой онъ предѣстанный... Мы тебѣ его потомъ покажемъ. (Кормилица уходитъ.)

Ваня. Что съ вами, голубушка?

Дар. Ал. (съ смущеніемъ и безпокой-

ством). Какъ ты думаешь? Она не слышала ничего? А то еще перевертеть потомъ... Я, впрочемъ, тихо говорила. Наконецъ—мало ли кого я могу не любить...

Ваня. Да въ чемъ же дѣло?

Дар. Ал. (тихо). Ахъ, она преехидная, эта кормилица. Знаетъ, что англичанка-бонна Беби меня не любитъ за что-то и рада наплевости на меня съ три короба... Да, я думаю, она ничего не слышала...

СЦЕНА 7-я.

Входитъ Сашенька изъ дѣтской.

Саш. Ахъ, Боже мой, вотъ это кто! А мнѣ говорятъ, важный какой-то господинъ!... Здравствуй, Ваня. А я повѣрила, потому что у насъ сегодня пріемный день. Отчего это тебя за такого важнаго приняли? Покажись... Ого! съ бородакой. На долго?

Ваня. Да не знаю, можетъ быть, совсѣмъ...

Саш. Значить покончили съ Сибирью... Ну, отлично! Мама, какъ ты, должно быть, рада его увидѣть. (*Цѣлуетъ Дарью Алексѣвну.*) А ты опять у меня не умница... Мнѣ миссъ Эчъ все рассказала... Ты опять укутала Баби...

Дар. Ал. Полно, Саша, пожалуйста! Стоить ли говорить объ этомъ!...

Саш. Какъ же не стоитъ, мама.... Говорятъ, онъ, бѣдненькій, былъ весь въ поту...

Дар. Ал. (*сдерживая раздраженіе*). Можетъ быть. Только я тутъ не при чемъ...

Саш. Вотъ видишь, мама, ты сама виновата и сердилась. Ваня, будь судьей. У мамы страсть во всемъ перечить миссъ Эчъ, что бы та ни сдѣлала—все не такъ... Согласись, что вѣдь нельзя этого. Надо же, чтобы кто-нибудь одинъ былъ хозяиномъ въ дѣтской. У семи нянекъ всегда дитя безъ глаза...

Дар. Ал. Все это воображеніе миссъ Эчъ! Я не укутала ребенка... Оставимъ, пожалуйста, это...

Саш. А кормилица рассказываетъ, что ты его укутала такъ, что ему дышать было нечѣмъ...

Дар. Ал. (*холодно и презрительно*). Въ самомъ дѣлѣ!

Саш. (*ласкаясь*). Ну, мамочка, не сердись!... Вѣдь это такъ легко—не вмѣшиваться въ дѣтскую. Смотри, я же исполняю это... а я вѣдь мать! Согласись, что нельзя... Вѣдь Борисъ совершенно вѣрно приказывалъ: надо, чтобы кто-нибудь одинъ былъ тамъ хозяиномъ... Ну, не надо дуться!... Мамочка, что это!...

Дар. Ал. Да я не дуюсь, душечка, ни-сколь-ко.

Саш. Ну, тогда посмотри на меня какъ всегда! А то, что Ваня подумаетъ!... Ты, пожалуйста, не воображай, что мы обижаемъ ма-

му! Ты не знаешь, какъ намъ всѣмъ троимъ хорошо!... Вѣдь такъ, мама? Скажи ему сама.

Ваня. Мнѣ Дарья Алексѣвна писала и говорила о томъ, какъ ты счастлива.

Саш. Да развѣ можно не быть счастливой съ такими сокровищами, какъ вотъ эта сердитая женщина и Борисъ. Ты самъ увидишь, что это за чудный человекъ. Какъ мама теперь его любитъ! Вотъ спроси ее. Мы живемъ душа въ душу. Ты навѣрно съ нимъ подружись. Всѣ, всѣ, ну всѣ рѣшительно его любятъ... Ну, мусинька, перестаньте хмуриться... перестаньте, моя радость... Ну, скажи ему, что я правду говорю, что мы счастливы. Ну, развѣ я могу тебя обижать? Вѣдь ты моя родная... я не могу жить безъ тебя...

(*Входитъ кормилица.*)

Нор. Барыня, пожалуйста... Миссъ васъ спрашиваетъ.

Саш. (*вскакивая*). Ахъ, что такое!? Прости меня, Ваня,—я сейчасъ вернусь.

СЦЕНА VIII.

Дарья Алексѣвна сидитъ задумавшись. Ваня подходитъ къ ней.

Ваня. Дарья Алексѣвна, вамъ надо уѣхать отсюда...

Дар. Ал. (*съ юркой усмѣшкой*). Въ самомъ дѣлѣ? Куда же это?

Ваня. Куда бы то ни было.

Дар. Ал. (*съ ироніей*). А ты мнѣ назови такое мѣсто, куда можно уйти отъ самой себя, гдѣ можно спрятаться отъ того, что есть, отъ того, чего никогда ничѣмъ не исправить. Найди уголокъ, гдѣ бы я увидала... (*дрожащимъ отъ подавленныхъ слезъ голосомъ.*) не эту Сашу... Ты видишь, во что они мнѣ ее обратили!... О Боже мой!

Ваня. Ахъ, что мнѣ до Саши, когда я васъ хочу видѣть такую, какъ прежде... Саша довольна и счастлива по своему, и Господь съ ней! Но вы то, вы то зачѣмъ безъ нужды мучаете себя? Голубчикъ мой! вѣдь обидно смотрѣть на васъ въ роли какой-то лишней приживалки. Точно отъ этого счастье Саши больше! Что дѣлать!... Оно не ваше, такъ отойдите—и живите по своему. Ну, вотъ я теперь тутъ, вы будете не одни... вѣдь кромѣ васъ у меня нѣтъ ни души на свѣтѣ... Хотите, останемся въ Петербургѣ, хотите уѣдемъ?

Дар. Ал. Нѣтъ, Ваня! Не избавится, не уйти мнѣ никуда отъ бессонныхъ ночей, отъ неотвязной мысли, что двадцать лѣтъ я жила, боролась ради того, чтобы привести Сашу къ счастью г-жи Охрипининой! Строила я, строила каменъ за каменемъ, цѣлую жизнь въ это положила... и, смотри, ничего не осталось!... Встрѣтился самый маленькій обыкновенный человекъ-

чекъ — и дитя моихъ страданій, моя гордость, мое божество признала въ немъ господина, и все, чѣмъ я была сильна прежде — разлетѣлось въ пыль... Гдѣ же взять силъ теперь, чтобъ сънова жить? На что я годна, если всѣ прежнія мечты — химера, и жизнь ихъ не признаетъ... Уйти отсюда, опять начинать, съ чѣмъ? Вѣдь все, что было самого моего лучшаго, останется все-таки здѣсь! Какое бы ни было счастье Саши — мое счастье... Пока она этого хочетъ, я должна быть съ ней, чего бы мнѣ это не стоило! И если ей хорошо — мнѣ должно быть хорошо...

Ваня. Пойдите, Дарья Алексѣевна, развѣ это возможно, развѣ это мыслимо... гдѣ же хорошо, когда вы обречены каждый день, каждый часъ подчиняться предрасудку и глупости!!

Дар. Ал. (съ возрастающей горячностью). Ну, и чтожъ такого, когда я больше ни на что не годна?.. Какъ бы тамъ ни было, не Сашѣ жить для меня, а мнѣ для Саши!..

Ваня. Да, если вы стали чужды другъ другу... Что можетъ быть общаго между женщиной, обоготворившей Бориса Охриничина, и вами?!

Дар. Ал. Эхъ, что ты тамъ говоришь... Ничего общаго! Да развѣ мать любить своего ребенка за то или за это!

Ваня. Вы же сами сознались, что минутами не любите ее...

Дар. Ал. (съ сильнымъ возбужденіемъ). До ея первой слезы!.. Пусть кто-нибудь попробуетъ обидѣть ее... При одной мысли о ея горѣ и дрожу... я теряюсь... я перестаю быть человекомъ, и не знаю, звѣрь ли тогда во мнѣ просыпается или что-то высшее, чѣмъ человекъ... Не любить Сашу! Да развѣ бы я жила тогда! Нѣтъ! Никогда еще я ее такъ не любила, потому что я ее жалѣю теперь... жалѣю, что она свободно выбрала такое счастье, которое мнѣ непонятно. Но развѣ она отъ этого хуже?.. Отъ того, что я оплакиваю мои фантазіи и мечты, она имѣетъ меньше права жить по своему? А, можетъ быть, я ошибалась!.. Кто это знаетъ?.. Жизнь умнѣ насъ и хорошо то, что есть!.. Какъ бы то ни было, мое мѣсто здѣсь... Здѣсь, потому что это условіе ея счастья... Пока мнѣ можно, какъ псу, сторожить ея покой, — я не имѣю права жаловаться... я живу! Ни слова больше... сюда идуть!..

СЦЕНА IX.

Входитъ Борисъ и Сашенька изъ дѣтской.

Саш. (Борису). Я уже ей говорила.. Она больше не будетъ вѣшничаться...

Бор. Послушай, но когда же этому будетъ конецъ!..

Саш. Ну, прошу тебя... Боря!..

Бор. Здравствуйте, Иванъ Николаевичъ! (Подходя къ Дарьѣ Алексѣевнѣ и цѣлуя ея руку, тихо.) А вы опять не утерѣли!.. Ахъ, наказанье съ вами, ну, вотъ теперь радуитесь: ребенка простуженъ, въ жару, чихаетъ... (Дарья Алексѣевна быстро взглядываетъ на Ваню, который, разговаривая съ Сашенькой, не спускаетъ съ нея глазъ и, стараясь овладѣть собой, дышитъ носомъ.)

Дар. Ал. (тихо, дрожащимъ голосомъ, стараясь казаться совершенно покойной). Борисъ, вамъ не вѣрно сказали!..

Бор. Лучше не оправдывайтесь... Миссъ Эчъ врать не станетъ.

Дар. Ал. Но ея при этомъ не было. Ей могли не вѣрно передать.

Бор. (насмѣшливо). Ну конечно! Трехлѣтний ребенокъ самъ себя закуталъ. Такъ по вашему?.. (Отходя къ Ванѣ, громко.) Что, Иванъ Николаевичъ, не женаты еще?

Ваня. Нѣтъ.

Бор. Ну, вотъ вамъ мой совѣтъ: женитесь на сиротѣ, чтобы не имѣть тещи...

Саш. (подходя къ матери и цѣлуя ее). Боря, тебѣ грѣшно жаловаться на маму...

Бор. Положимъ, мы друзья, но что мнѣ трудъ стоило!.. Нѣтъ, это неисправимый народъ, въ особенности какъ бабушками стануть... Такъ вѣдь, Дарья Алексѣевна? Вѣдь нельзя утерѣть, чтобы внука не напичкать чѣмъ-нибудь или укутать?..

Саш. (слѣдя за пасіансомъ Дарьи Алексѣевны). Ахъ, мама, какъ ты пропускаешь, конечно, этакъ никогда у тебя не выйдетъ... Валетъ на десятку... Ну, опять смотри же... тузы!..

Бор. (Ванѣ). Значить, не понравилось въ Сибирь?

Ваня. Нѣтъ, я не скажу.

Бор. Однако вы ушли до трехлѣтія...

Ваня. Потому что личные дѣла этого требовали.

Бор. Ну, что тамъ!.. ужъ будте откровенны... Просто явилась возможность ударить... Ужъ на вѣрное подъемныхъ не вернете... Батюшка, сами служимъ, знаемъ!..

Ваня. Тѣмъ лучше для васъ...

Бор. Скажите, вы не слышали тамъ ничего про моего товарища по училищу, нѣкоего...

СЦЕНА X.

Во время послѣднихъ словъ Бориса Дуничка осторожно отворивъ дверь изъ комнаты Дарьи Алексѣевны, смотритъ естъ на юсти.

Саш. Дуничка! Дуничка! иди сюда! (Указывая на Ваню.) Смотри, кто пріѣхалъ!

Дун. (выходя на сцену). Батюшка! Иванъ Николаевичъ! Голубчикъ вы мой!.. (Бросается

къ обернувшимся на ея восклицаніе Ваня, обнимаются.)

Бор. (увидя Дуничку). Опять это чуело здѣсь! Чортъ знаетъ, что такое! (Встаетъ и идетъ въ среднюю дверь.) Эй, кто тамъ! Федоръ! Федоръ! (Стоитъ въ столовой въ виду у публики.)

Дун. Вы меня простите, что я такъ.. только ужъ больно я рада васъ видѣть...

Саш. Ай, ай, ай, Дуничка! Съ мужниной обниматься!..

Ваня. Какой я для нея мужчина... Ну! поцѣлуетесь еще разъ.

Саш. Вотъ, Ваня, поборани ее. За послѣднее время это, кажется, въ первый разъ, что она улыбнулась... А то такая стала кислая, скучная... Представь себѣ: какъ ты уѣхалъ, даже въ оперу перестала ходить.

Бор. (въ столовой) Эй, Федоръ! чортъ! долго ли мнѣ тебя ждать?..

(Сашенька испуганно слѣдитъ за мужемъ. Къ Борису подходитъ лакей и выслушиваетъ его выговоръ.)

Ваня (къ Дуничкѣ). Что же это вы такъ, Дуничка? а?..

Саш. (къ Ванѣ). Даже когда ея любимецъ поестъ и то не ходитъ...

Дар. Ал. (съ упрямомъ). Саша, перестань...

Дун. Ну, что! ну, охота, право, вамъ много заниматься, что тамъ!.. Въ оперу не хожу, потому что некогда... А улыбаться, веселиться развѣ мнѣ къ лицу!..

Бор. (лакею). Пшелъ вонъ! Скотина!.. (Сашенька испуганно взглядываетъ на Бориса, который возвращается на авансцену и съ недовольнымъ видомъ усаживается.)

Дун. А вотъ, я думаю, вамъ, Дарья Алексѣевна, какая это была радость снова увидѣть Ивана Николаевича. Смотрите, вотъ мы теперь точно опять веѣ виѣстѣ въ чулочной!..

Бор. Да, дѣйствительно... Иллюзія полная! (Къ Дуничкѣ.) Скажите, пожалуйста, почему вы теперь продаете чулки?

Дун. Ахъ, Борисъ Владиміровичъ, разная цѣна, какіе купите...

Саш. Что это тебѣ вдругъ понадобилось узнать цѣну чулокъ?

Бор. Такъ вѣдь надо же о чемъ-нибудь говорить, разъ что мы въ чулочной... (Всѣ выражаютъ смущеніе.) А кстати, я хотѣлъ вамъ сообщить большую неприятность: вашъ бывшій кумиръ насъ покидаетъ. Божественный, не сумѣлъ перенести вашего охлажденія къ нему и рѣшилъ бросить Петербургъ. Но не приходите въ отчаяніе! На его мѣсто ѣдетъ другой.. вотъ съ такими усами... очаровательными усами...

Дун. Я васъ просила, Борисъ Владиміровичъ, со мной такъ не говорить...

Бор. Представьте, какъ это странно, я осмѣлился позабыть ваше приказаніе.

Саш. Ну, Дуничка, что тутъ обиднаго! вѣдь Боря шутитъ

Ваня. (вставая). Прощайте, Дарья Алексѣевна.

Дар. Ал. Ваня, ты придеши обѣдать съ нами?

Саш. Ваня, да куда ты спѣшишь?

Бор. Alexandrine! (Сашенька идетъ къ нему. Борисъ неслышно ей дѣлаетъ замѣчаніе, поглядывая на Ваню.)

Ваня. (Дарья Алексѣевнѣ). Нѣтъ, Дарья Алексѣевна, я не могу обѣдать здѣсь.

Дар. Ал. (тихо). Мнѣ это нужно, Ваня... Я прошу...

Ваня (отрицательно качая головой). Прощайте!

Дар. Ал. Совѣмъ?..

Ваня. (прочувствованно). Уйдемте отсюда!..

Дар. Ал. Нѣтъ!—прощай...

Ваня. Прощай, Сашенька.

Саш. (подчеркивая „вы“). Прощайте, Иванъ Николаевичъ...

Ваня. (удивленно смотритъ на Сашеньку). Дуничка, вы сегодня дома вечеромъ?

Дун. Куда же мнѣ, конечно...

Ваня. Я къ вамъ заѣду чай пить, тогда и поболтаемъ... До свиданія. (Къ Борису.) Прощайте... (Уходитъ.)

Дар. Ал. (Дуничкѣ). Что ты мнѣ хотѣла сказать? Пойдемъ ко мнѣ въ спальню. (Уходитъ, едва сдерживая рыданія.)

СЦЕНА XI.

Борисъ и Сашенька.

Бор. (шагая по комнатѣ). Ты бы ему лучше ужъ прямо на шею при всѣхъ кинулась! Что же тамъ стѣсняться! Когда же ты поймешь, наконецъ, что ты не невоспитанная дѣвчонка больше, что говорить первому встрѣчному «ты». Охрипшица не можетъ!.. Не могу же я, въ самомъ дѣлѣ, вамъ обѣмъ съ утра до вечера давать уроки того, что можно и чего нельзя дѣлать!.. И это называется пріемный день!.. Бывшая горничная какая-то влетаетъ безъ доклада, какъ свой человѣкъ, въ домъ!.. Я распекаю лакея и кто же, оказывается, виновать? Опять Дарья Алексѣевна. Опять распорядилась... Дуничку, молъ, можно и безъ доклада впускать! Что я могу сказать лакею?.. Я приказываю одно, а тамъ велитъ другое... кого ему слушаться? Ну, и приходится чуть ли не извиняться передъ слугою! Чортъ знаетъ что такое! Когда же, наконецъ, твоя мать научится понимать, что въ гостиной, гдѣ сидитъ моя мать и мои сестры, я не могу допустить присутствіе горничной, будь она хоть семи пядей во лбу и съ какой угодно харей...

Саш. Боря... ну что это...

Бор. Воля твоя—я не могу... я не понимаю

этой женщины!.. Всё говорить: умная, умная!.. Не знаю, въ чемъ тутъ умъ? Утромъ закутала ребенка такъ, что его простудила, потомъ распорядилась пускать свою горничную въ мою гостиную безъ доклада, и когда еще? въ пріемный день!.. Наконецъ и этого мало! она приглашаетъ гостей къ обѣду, не справившись, обѣдать ли кто-нибудь изъ приличныхъ людей у насъ!.. Ну, а если бы не подозрѣвая, что будетъ этотъ твой «Ваня», я пригласилъ бы его братьевъ... Они мои товарищи—отчего же нѣтъ? Въдь могло это случиться?.. Хорошо бы это было?.. Что я прошу?.. Кажется, немного—чтобы былъ порядокъ въ домѣ! А его не будетъ, пока будетъ десять хозяевъ вмѣсто одного!

Саш. Да, это, конечно, вѣрно... но вспомни, милый, сколько времени все шло хорошо... въдь это только сегодня какъ будто нарочно совпало.

Бор. Полно, пожалуйста! Только сегодня! Да проходить ли одинъ день, чтобы не пришлось вамъ сдѣлать замѣчанія...

Саш. И всегда всё они исполняются.

Бор. Да въдь, матушка, терпѣніе-то у меня человѣческое, нельзя же требовать отъ меня какихъ-то ангельскихъ достоинствъ, когда видишь, что, что ни дѣлай—все понапрасну.

Саш. Я тебѣ обещаю, что это конецъ.

Бор. Ну, какъ ты можешь обѣщать за другихъ!..

Саш. Я поговорю съ мамой.

Бор. И ничего все-таки не будетъ, пока... *(Останавливается.)*

Саш. Пока что?

Бор. Ну точно ты не понимаешь? Что ты, ребенокъ малый, что ли?

Саш. Увѣрю тебя, Боря, я не знаю, что ты хочешь, но скажи! Только не будь такой кипитунъ изъ-за пустяковъ.

Бор. Странное, право, дѣло—не понимать такихъ простыхъ вещей... Я говорю, что у насъ въ домѣ не будетъ порядка, пока...

Саш. *(со страхомъ).* Ужъ не хочешь ли ты сказать, пока мама съ нами... *(Пауза. Со слезами въ голосъ.)* Боря!.. *(Плачетъ.)*

Бор. *(увидя слезы Сашеньки, схватываетъ себя за волосы съ жестомъ досады и самоупрека и быстро подсаживается къ ней и ласкаетъ ее.)* Не плачь... Ну, не плачь, дѣточка. Въдь этого не будетъ, я этого не требую. Ну, прости, прости...

Саш. *(сквозь слезы).* Ты никогда еще такъ не говорилъ о мамѣ. Неужели ты можешь желать нашей разлуки съ ней!

Бор. *(продолжая ласкать).* Въдь это такъ съ языка сорвалось, глупости! Не разстраивай себя по пусту. Не тиранъ же я какой-нибудь, въ самомъ дѣлѣ! Ну, прости, я пересталъ ворчать. Ты въдь знаешь—я педантъ въ отношеніи нѣкоторыхъ вещей и кипитунъ къ тому же.

Стоить ихъ затронуть, и пошло: самъ не знаю, что говорю... Я въ папа: чего онъ не боится съ горяча, а между тѣмъ, ты сама знаешь, какъ онъ добръ и любить мама. Во всякомъ случаѣ я твоихъ слезъ не могу видѣть. Въдь мы больше не говоримъ о разлукѣ, ну, чего же плакать? Или же ты меня не любишь?

Саш. Господи! Да можно ли любить больше, въ особенности, когда ты такой, какъ теперь... Только мама...

Бор. Да Господь съ ней! Пускай остается съ нами!..

Саш. *(успокоиваясь).* Боря, милый... значитъ, ты это такъ, не серьезно сказалъ?

Бор. Ну, честное слово тебѣ даю, что я никогда и заговаривать объ этомъ не стану... Да, наконецъ, я и права не имѣю серьезно желать этого... Какъ не говори, а все-таки мы живемъ у нея... Конечно, въ первое время я очень боялся нашего сожитія... Въдь она фантазерка у насъ, что грѣха таить!

Саш. Такъ надо же помнить, какая ея жизнь была...

Бор. Ну, въ томъ-то и дѣло!.. У нея есть вещи, до которыхъ она не любитъ чтобы касались, у меня—свои... Но разъ, что она мнѣ уступила и своихъ фантазій не навязываетъ, такъ чего же мнѣ!.. Ну, въ пустякахъ стоимся, я попѣтушусь, и пройдетъ, потому что и въ нихъ она не перечить.

Саш. Ужъ послушнѣе, Боря, нельзя быть. Она благодарна тебѣ... Она, какъ и я, отлично понимаетъ, что здѣсь у васъ...

Бор. *(ласково).* Что за у васъ?—у насъ.

Саш. У насъ... въ обществѣ совсѣмъ другія требованія, чѣмъ тамъ, гдѣ мы жили прежде... Господи Боже мой! И мнѣ иногда бывало какъ-то странно... Пожалуй, тяжело мнѣ покориться, но я взгляну на тебя, мою радость, вспомню, что ты для меня сдѣлалъ, кто ты и кто я, и, повѣришь ли, даже радостно сдѣлается... Чѣмъ я для тебя не пожертвую, согревице ты мое!..

Бор. Значить, меня еще не разлюбили за мое ворчаніе? Я не надоелъ моими приставаніями? *(Сашенька зажимаетъ ему ротъ. Она целуетъ ея руки. Пауза.)* А мнѣ все-таки иногда бываетъ какъ-то жалъ Дарью Алексѣевну.

Саш. Жаль?.. Она такъ счастлива моимъ счастьемъ.

Бор. Все-таки эта жизнь, такъ не похожая на прежнюю, не можетъ совсѣмъ подходить ей. Въ ея годы не мѣняются, какъ въ твои...

Саш. Развѣ она когда-нибудь жаловалась? А веселюю она никогда не была...

Бор. Нѣтъ, мнѣ иногда, когда сердце предавать, бываетъ какъ-то совѣстно... Ну, возьми ты хоть сегодняшнее... Я отлично теперь понимаю, что ей тяжело мѣнять такіа отношенія, какъ съ этой Дуничкой или съ Ваней.

Саш. Какъ мнѣ для тебя, такъ и ей для меня, ничѣмъ не жалѣ жертвовать.

Бор. Ну, что ты хочешь! Не могу я тоже уступить ей въ этомъ... Есть вещи, которыя въѣлись въ меня съ молокомъ матери. Не могу я перестать быть Охрипиннымъ.

Саш. Знаешь, Боря, пойдѣмъ къ ней, и скажи ей то, что ты говорилъ сейчасъ... Пусть она увидитъ еще разъ, какой ты у меня чудный.

Бор. Нѣтъ, теперь тамъ эта Дуничка, я опять раскипчусь... Нѣтъ, послѣ! А пойдѣмъ теперь лучше посмотрѣть нашего наслѣдника... Да что ты, дѣточка, такая заплаканная! Этакъ нельзя принимать. Надо сказать швейцару, чтобы крокъ своихъ никого не впускалъ. Душечка ты моя! (*Обнявшись, направляются къ дѣтской.*)

СЦЕНА 12-я.

Входятъ Дарья Алексѣевна и Дуничка, Борисъ и Сашенька еще не ушли.

Дар. Ал. (*къ Дуничкѣ*). Ну, если нельзя въ 5 часовъ, пусть пріѣдетъ въ 9 часовъ, а если и въ девять нельзя... вернись и скажи. Самое лучшее было бы, если ты бы могла побѣдать со мной... Тогда вѣстѣ и поѣхали бы къ тебѣ.

Бор. (*Сашенькѣ*). Ну, вотъ видишь... Ну, какъ же тутъ, право, не раскипятится... Не могу же я допустить, чтобы у насъ обѣдала Дуничка, когда обѣдаетъ князь Панфиловъ...

Саш. Постой, я это устрою. Ступай къ Беби и подожди меня... Ну, милый, пожалуйста. (*Борисъ уходитъ.*)

Дун. До свиданія, Сашенька.

Саш. Дуничка, милочка, не приходи сегодня обѣдать, у насъ будутъ гости: тебя это стѣснить...

Дун. Да нѣтъ, нѣтъ, Сашенька, я не буду.

Дар. Ал. Это было только предположеніе... Я бы не пригласила не спросившись.

Саш. Ты не сердись?

Дун. Господи! Да что вы! Ну, до свиданія. (*Къ Дарьѣ Алексѣевнѣ.*) Значитъ, я васъ буду ждать къ семи часамъ. Ну, до свиданія! (*Уходитъ.*)

СЦЕНА 12-я.

Дарья Алексѣевна и Сашенька.

Саш. (*подходитъ къ матери*). Мама!... (*Хочетъ поцѣловать ее.*)

Дар. Ал. (*возбужденно*). Ты плакала?... О чемъ?

Саш. Нѣтъ, ничего... пустяки.

Дар. Ал. Изъ-за пустяковъ не плачуть.

Саш. Увѣряю тебя, мамочка, ничего. Ты видишь, все прошло.

Дар. Ал. О чемъ ты плакала?

Саш. Боря былъ недоволенъ, что я говорила «ты» Ванѣ.

Дар. Ал. Не только этимъ... было еще что-нибудь... Или онъ тебя обидѣлъ?

Саш. Да развѣ Боря можетъ меня обидѣть?

Дар. Ал. Такъ что же тогда?

Саш. Ну, такъ вообще... все вѣстѣ... Онъ съ утра не въ духѣ. Безпокоился о Беби, а тутъ онъ еще узналъ, что ты приказала принимать Дуничку безъ доклада.

Дар. Ал. Значитъ, ты все-таки плакала изъ-за меня! Но вѣдь онъ же мнѣ обѣщалъ говорить все прямо, не вѣшивая тебя. (*Съ сильными возбужденіемъ.*) Но вотъ что: скажи ему, чтобы этихъ слезъ больше не было, что я и такъ слишкомъ дорого плачу за твой покой, что если онъ посмѣетъ...

Саш. Мама, что съ тобою?

Дар. Ал. (*овладѣвъ собою*). Ничего... ничего... Вѣдь ты знаешь, что я не могу видѣть твоего плача, что я теряюсь тогда... Не помню себя... (*Порывисто обнимая Сашеньку.*) Ты должна быть счастлива... слышишь... должна...

Саш. Да я счастлива, мама... Развѣ съ такимъ мужемъ, какъ Боря, можно быть несчастной... Что за важность, что онъ поборанилъ меня! (*Дарья Алексѣевна освобождаетъ изъ своихъ объятій Сашеньку.*) Дѣйствительно, я до сихъ поръ еще иногда короблю его въ разныхъ мелочахъ. (*Дарья Алексѣевна встаетъ.*)

Дар. Ал. (*спокойно*). Пожалуйста, передай ему, что я дѣйствительно отиѣнила докладъ о приходѣ Дунички, потому что это было бы смѣшно, если бы лакей приходилъ ко мнѣ на верхъ и выкрикивалъ ей имя. Въ самомъ дѣлѣ, не могу же я не принять ее.

Саш. Ты, мама, да! Но если у насъ гости и Дуничка войдетъ прямо въ гостиную, это покажется страннымъ...

Дар. Ал. Да, конечно, конечно. (*Уходитъ.*)

Саш. Мама...

Дар. Ал. Что?

Саш. (*пристально глядя на мать*). Мама, ты мнѣ не нравишься. Я думала, ты будешь веселая, когда Ваня пріѣдетъ.

Дар. Ал. А Ваню тоже нельзя приглашать?..

Саш. Ну, мама, какъ ты это спрашиваешь...

Дар. Ал. Я просто не знаю, Сашенька... и не хочу опять разстроить Бориса.

Саш. Да развѣ тебѣ кто-нибудь имѣетъ право запретить принимать и Дуничку, но только, чтобы о ней докладывали, потому что, согласись...

Дар. Ал. Я уже это слышала, мой другъ... Я спрашиваю про Ваню.

Саш. Отчего же его не принимать, когда его братьевъ здѣсь нѣтъ! Но когда они тутъ, то, конечно, положеніе Бори, да и всѣхъ, будетъ неловкое...

Дар. Ал. Хорошо... (*Уходитъ.*)

Саш. Мама!.. Такъ, значить, правда, что тебѣ очень тяжело все это?..

Дар. Ал. (*Быстро оборачиваясь.*) Кто тебѣ сказалъ?

Саш. Я теперь сама вижу.

Дар. Ал. Мнѣ можетъ быть тяжело только видѣть тебя разстроенною и несчастною. А разъ этого нѣтъ, все остальное пустяки...

Саш. Отчего же ты тогда все хочешь отъ меня уйти?.. Отчего ты говоришь такимъ голосомъ?

Дар. Ал. Дитя мое, ты ждешь невозможнаго. Хоть это и пустяки, а все-таки пріятнаго мало: обидѣть стараго друга, какъ Дуничку... впрочемъ, она слишкомъ мнѣ другъ, чтобы обидѣться... А Ваня!.. Что же! и безъ Вани можно обойтись, когда такъ надо...

Саш. Мама, ты выдала себя! Я знаю, какъ ты любишь Ваню, какъ ты его ждала... и когда онъ такъ близко — отказаться отъ свиданій съ нимъ тебѣ не можетъ быть легко, а ты говоришь объ этомъ такъ спокойно, какъ будто лишаешься пустяка...

Дар. Ал. Потому что въ сравненіи съ тѣмъ, что я приобретаю, оно и есть такъ.

Саш. Что ты приобретаешь?

Дар. Ал. Твое спокойствіе и счастье.

Саш. Значить, и прежде, когда ради меня лишалась того, что называешь пустяками, можетъ быть, такъ же страдала, какъ въ ту минуту, когда готова отречься даже отъ Вани!..

Дар. Ал. Да развѣ я жалуюсь, Сашенька...

Саш. Мамочка, прости меня! Вотъ видишь, какая эгоистка, вотъ видишь, какъ онъ добрее, умнее меня, какъ онъ вѣрно угадалъ!..

Дар. Ал. Кто? кто?

Саш. Кто же, какъ не Борисъ! Онъ первый мнѣ показалъ то, что я должна была замѣтить прежде всѣхъ, что тебѣ тяжело съ нами такъ, что ты несчастна...

Дар. Ал. (*съ возрастающимъ возбужденіемъ*). Онъ тебѣ это сказалъ? зачѣмъ? почему?..

Саш. Потому что ему жаль тебя.

Дар. Ал. Кто его проситъ жалѣть меня! Такъ вотъ отчего ты плакала! Что же ему еще нужно? разлучить насъ, что ли?

Саш. Что съ тобою? Что онъ сдѣлалъ дурного, жалѣя тебя?

Дар. Ал. Чтобы жалѣть меня, ему надо перестать быть самимъ собою! Тогда бы онъ увидѣлъ, что все мое несчастье только въ томъ, что между мною и моею дочерью встало самое мелочное, самое ничтожное созданье!

Саш. (*съ ужасомъ*). Какъ ты его не любишь! Какъ онъ былъ правъ, когда говорилъ, что намъ лучше разойтись!

Дар. Ал. А что? Не была я права, когда угадала, что ему понадобилось разлучить насъ! Отчего же нѣтъ! Пора! пора! Вѣдь онъ сумѣлъ

меня заставить отказаться отъ всего, чѣмъ я дорожила прежде?! Теперь я не страшна ему больше и, когда обратилась въ забѣженную клячу, которой можно помыкать, какъ угодно, онъ не находитъ больше нужнымъ держать своего слова! На что?! Гораздо легче будетъ жить, не имѣя передъ глазами этого ходячій упрекъ своему ничтожеству... И къ довершенію всего онъ сталъ безчестенъ.

Саш. Довольно! довольно!

Дар. Ал. Да, безчестенъ, потому что нѣсколько разъ обѣщался ни однимъ словомъ не намекалъ на мою разлуку съ тобою, и за это одно я уступила ему все, и теперь, лишивъ меня всего, онъ еще смѣетъ тебѣ указывать на меня пальцемъ! Онъ у меня все отнялъ... такъ надо теперь доканать, разлучить насъ... Ахъ! безсердечное созданье!

Саш. Молчи, мама, молчи, ради Бога! Я больше не могу этого слышать... Я забудусь... Какъ это все несправедливо! какъ зло!.. какъ ты неблагодарна!..

Дар. Ал. Неблагодарна?

Саш. Неблагодарна — да!.. Ты забыла, а я нѣтъ, что онъ меня поднялъ изъ униженія и сдѣлалъ равною другимъ, что смѣлъ съ меня пятно моего происхожденія, что изъ парій онъ сдѣлалъ насъ людьми. И если послѣ этого я не сумѣла бы всей моей жизнью отплатить, — я была бы послѣдней изъ послѣднихъ. Когда ты этого не чувствуешь, — ты неблагодарна... да!

Дар. Ал. Хорошо! я неблагодарна! А какъ же тогда назвать тебя, когда ты смѣешь называть твоё прошлое, твою жизнь со мною униженіемъ! Мою любовь, мои заботы, мою борьбу, мои страданія — позоромъ! Довольно! довольно! я больше не могу терпѣть и не хочу молчать! Знай же, что если здѣсь кто-нибудь унижаетъ, такъ это я... Да! это было униженіе сносить то, что я сносила ради тебя!.. униженіе молчать и гнущаясь передъ такимъ ничтожествомъ, какъ твой мужъ!..

Саш. Не смѣй такъ говорить... Я его люблю больше всего на свѣтѣ... Онъ мнѣ дороже тебя!.. И я отъ тебя отрекаюсь!..

Дар. Ал. Ты?.. Отъ меня??

Саш. Ты же отреклась отъ твоего отца, чтобы идти за княземъ!..

Дар. Ал. Молчи! не поминай его!.. Ты не стоишь этого!..

Саш. Оставь насъ... уйди... уйди!..

Дар. Ал. Я уйду!.. но не уйти тебѣ никогда отъ того, что ты сказала!.. (*Убѣгаетъ.*)

Саш. Мама! мама!.. мама... вернись! Борис!.. Борис!.. гдѣ ты? (*Убѣгаетъ Борисъ и бросается къ Сашенькѣ.*) Я люблю тебя... я... (*Падаетъ безъ чувствъ въ его объятія.*)

(*Занавѣсъ*)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Декорация первая дѣйствія. Вечеръ. Темно и горитъ только одна лампа подъ зеленымъ абажуромъ.

СЦЕНА 1-я.

Дуничка вышиваетъ. Ваня сидитъ противъ нея.

Ваня. Нѣтъ, Дуничка, я этого не понимаю! Вы, такая добрая, и сдѣлать такую вещь!.. Вѣдь вы же любите Дарью Алексѣвну? Значить ей горе ваше горе... Ну зачѣмъ же тогда причинять его, когда все можно было отлично устроить безъ нея вѣдома?

Дун. Ну что же вы ворчите, Иванъ Николаевичъ! Ну сдѣлала, такъ сдѣлала, потому что иначе не могла...

Ваня. Да неправда! отлично могли! Точно вы не увѣрены, что ради Дарьи Алексѣвны я на все готовъ. Ну взяли бы ребенка, сказали бы, что найденышъ... развѣ я бы не помогъ?..

Дун. Браните какъ знаете, а я снова такъ же бы поступила. Ужъ что есть, Иванъ Николаевичъ, тому и быть должно. Правды ни чѣмъ не замажешь. Что дѣлать! и больно, а если такъ—такъ... такъ вѣдь я все равно потомъ проболталась бы... Еще чужому человѣку соврешь, и концы въ воду! А своему-то какъ же? Да еще какому своему!

Ваня. Да именно потому, что онъ свой, такъ и хочется оберегать его отъ лишняго горя! Странное дѣло, какъ это такъ говорить! Ну постоите, хорошо: вы Дарьѣ Алексѣвнѣ вѣрите? Ужъ она, по вашему, скверно не поступить, не такъ ли? А какое у нея первое движеніе было, когда вы ей все выболтали? Скрыть отъ Сашеньки... и она тысячу разъ права!..

Дун. А я и скрыть то не умѣю... а гдѣ же тутъ еще исторіи какія-то сочинять...

Ваня. Да вы разсудите. Ну хоть бы та же Сашенька, спокойна, довольна... и взять да и разстроить ее вещью, которая отлично и безъ нее устраивается! Ну съ какой стати? То же самое и здѣсь: у Дарьи Алексѣвны, кажется, уже довольно заботъ и горя, а тутъ на! еще ей навалить новую, когда можно обойтись безъ этого... Ну вы мнѣ не вѣрите, такъ съ самой Дарьей Алексѣвны примѣръ бы взяли.

Дун. Я, Иванъ Николаевичъ, Дарью Алексѣвну ни судить, не хвалить не могу. Но мнѣ, что она ни сдѣлаетъ, все такъ и должно быть, а чтобы съ нее примѣръ брать, развѣ я могу?..

Ваня. Упрямы будьте, упрямы будьте, Дуничка. Потерпились, сдѣлали ошибку и не хотите сознаться. Вѣдь еслибы я не зналъ, что вы себя четвертовать ради Дарьи Алексѣвны готовы, то и не говорилъ бы...

Дун. Душой была, дура и есть... Что дѣлать! Ну теперь будь, что будетъ. Я вѣрю вамъ, что я виновата, только не чувствую этого... *(Пауза.)*

Ваня *(смотритъ на часы).* Что же ей нѣтъ до сихъ поръ?

Дун. А который часъ?

Ваня. Да ужъ восьмой въ началѣ. Пора бы... А Micheline когда придетъ?

Дун. Ей-то рано еще. Она раньше 9-ти не можетъ *(Пауза.)*

Ваня. Если бы еще эта исторія могла бы вырвать Дарью Алексѣвну оттуда! Просто какое-то святотатство, кощунство—видѣть ее, отдающуюся съ головой и руками этимъ людямъ! Когда я ушелъ сегодня оттуда, мнѣ казалось, что я похоронилъ самое дорогое, самое святое, что для меня есть! *(Пауза.)* Что это вы точно улыбаетесь?..

Дун. Такъ. Мнѣ представилось вдругъ, какъ было бы хорошо, если бы мы зажили по прежнему. Если бы тутъ вмѣсто меня сидѣла наша голубушка, вы бы ей читали, а я бы слушала... Ахъ не бывать тому! что дѣлать! что дѣлать!... *(Пауза.)*

Ваня. Ну что же она не идетъ... Вѣдь мы почти не видѣлись... Смотрите: скоро половина восьмого...

Дун. Заобѣдались, тамъ гости. *(Вой въ тра.)*

Ваня. Дуничка, отчего у васъ такъ темно, мрачно какъ-то... *(Звонокъ.)* Не она ли?

Дун. Можетъ быть... только это не ея звонокъ. Уже не Micheline ли?

СЦЕНА 2.

Вбѣгаетъ Сашенька съ зимнемъ пальто, покрытая снѣгомъ, потомъ Борисъ.

Саш. Мама!.. Мама!.. прости меня!

Дун. Что съ вами, душечка? что съ вами Дарья Алексѣвны нѣтъ.

Саш. Не можетъ быть... Она здѣсь, но не

хочетъ меня видѣть! Пусти меня, пусти къ ней! Она меня увидитъ и проститъ... Я ей все объясню, она пойметъ... Борисъ тоже здѣсь... Мы должны вымолить ей прощенье...

Дун. Господь съ вами! да что вы говорите?... Увѣрю васъ, Дарья Алексѣевна здѣсь нѣтъ...

Саш. Дуничка, да пожалѣй меня! Пойди, скажи... Она не хочетъ! Ваня, будь хоть ты добръ! скажи мамѣ, что и я, и Боря тутъ, и не уйдемъ, пока она не проститъ насъ...

Ваня. Саша, успокойся. Объясни, что съ тобой, что такое случилось?

Саш. (съ крикомъ отчаянія). Дайте мнѣ ее!.. я должна ее видѣть!..

Дун. Да развѣ она не у васъ, не дома?

Саш. Ея нѣтъ здѣсь? какъ? правда? нѣтъ?.. Борисъ!.. Борисъ! скорѣй сюда! (Входитъ Борисъ.) Ея здѣсь нѣтъ! понимаешь нѣтъ!.. Такъ гдѣ же она!.. гдѣ?.. (въ полусознаніи опускается на стулъ; Дуничка спѣшитъ ей принести воды. Борисъ ей мочитъ виски).

Ваня (Борису). Борисъ Владиміровичъ, что все это значить? Объясните.

Бор. (ухаживаетъ за Сашенькой вмѣстѣ съ Дуничкой). Я самъ хорошенько не знаю. У Дарьи Алексѣевны съ ней было крупное объясненіе... ссора безъ меня. А когда я вошелъ, то засталъ Сашу, одну, въ слезахъ, въ ужасномъ состояніи и она твердила только: «я выгнала... я выгнала»!

Дун. (съ ужасомъ). Господи! что такое!

Бор. Потому съ ней было что то въ родѣ истерическаго припадка... Я послалъ за докторомъ, за моими родными... мы ее уложили и она будто успокоилась и даже спала, а потомъ опять заволновалась, потребовала, чтобы ее пустили къ матери... а ея не было...

Дун. Гдѣ же Дарья Алексѣевна? гдѣ она?

Бор. Мы думали здѣсь... Прислуга сказала, что она сейчасъ послѣ ссоры и вышла...

Дун. Когда же ссора-то была?

Бор. Да такъ ужъ начало темнѣть... между тремя и четырьмя часами, должно быть.

Ваня и Дун. И съ тѣхъ поръ она ушла и больше не возвращалась?

Бор. Я былъ убѣжденъ, что она у васъ. Докторъ велѣлъ исполнить желаніе Саши, онъ сказалъ, что лучшимъ лекарствомъ будетъ объясненіе съ Дарьей Алексѣевной и примиреніе. И вотъ мы...

Саш. (съ крикомъ ужаса вскакивая). Боря! Она убила себя!.. Я теперь помню!.. помню... у нея такое лицо было...

Бор. Ну, вотъ! сейчасъ ужъ и убила себя!

Саш. Нѣтъ, не говори, не говори ничего теперь. Ничего не поможетъ, пока я ее не увижу. Надо искать... искать!..

Ваня. Такъ нельзя намъ оставаться! Дѣйствительно, надо что-нибудь дѣлать. Гдѣ же? Господи, она можетъ быть!

Бор. Съѣздить въ полицію... У меня есть знакомые въ градоначальствѣ. Я попрошу справиться по телефону...

Ваня. Побѣждайте туда... да! это хорошо... А я пойду... Дуничка, да припомните, скажите, гдѣ она могла бы быть!..

Дун. Если ея нѣту дома, нѣту здѣсь, то ей негдѣ быть кромѣ... Боже мой! Боже мой, да неужели же?!..

Ваня. Ну, не знаю... что-жъ?... я пойду справляться, спрашивать вездѣ.

Бор. Нѣтъ, оставайтесь здѣсь. Она можетъ придти каждую минуту. Позаботьтесь о Сашѣ, я черезъ часъ пріѣду.

Саш. (рѣшительно и твердо вставая). Я здѣсь не останусь ни за что, и пойду съ тобой...

Бор. Да будь же благоразумна наконецъ!.. Смотри, какая погода... и потомъ что ты мнѣ поможешь?..

Саш. Я пойду съ тобой!..

Ваня и Дун. Сашенька, да вы стѣсните...

Саш. Ахъ, не говорите мнѣ ничего! Развѣ я могу теперь сидѣть и ждать? Я умру въ этомъ ожиданіи... Я лучше себя знаю... Не бойтесь. Теперь со мною ничего не сдѣлается. Я тебѣ въ тягость не буду. Я потеряла, и я должна искать. Ыдемъ! А вы оставайтесь и ждите. Если она вернется безъ насъ, она будетъ нуждаться въ васъ. Ыдемъ! (уходитъ, Борисъ за ней).

СЦЕНА 3.

(Изрѣдка воетъ вѣтеръ. Ваня и Дуничка стоятъ растерянные. Пауза. Отдаленный ударъ двери).

Дун. Она!.. (бѣжитъ въ переднюю. Ваня идетъ къ двери и прислушивается. Тишина. Дуничка возвращается).

Ваня. Она?

Дун. Нѣтъ! (Она глубоко вздыхаетъ и всхлипнувъ, сдерживается).

Ваня. Вы бы самоваръ... теплой воды.

Дун. (испуганно). Зачѣмъ?..

Ваня. Чтобы ей согрѣться.

Дун. Да, это правда... (Уходитъ. Ваня опускается на стулъ и закрываетъ лицо руками. Вой вѣтра. Онъ дѣлаетъ движе-

ние, какъ бы желая заткнуть уши. Потомъ рѣшительно встаетъ, подходитъ къ камину, накладываетъ дрова и зажигаетъ. Входитъ Дуничка.)

Дун. Что это будто дымомъ пахнетъ!.. Ахъ, это вы трубу не открыли... (Идетъ къ камину, отворяетъ трубу и оказывается лицомъ къ лицу съ Ваней. Они судорожно сжимаютъ руки и глядятъ на него). Неужели же?... Боже мой!.. Боже мой...

Ваня. Я боюсь, что да... (Вой вътра.)

Дун. И подумать, что она тамъ! Нѣтъ, я не могу такъ... я пойду ждать на лѣстницу. Вы зажгите здѣсь свѣчи, лампы. Здѣсь точно могла... (Убываетъ съ всхлипываніемъ. Ваня зажигаетъ все свѣчи и лампу. Каминъ загорается. Становится уютнѣе и теплѣе. За сценой слышенъ продолжительный крикъ и рыданія Дунички. Ваня постыпно убываетъ. Сцена остается пуста.)

СЦЕНА 4-я.

Пауза. Входитъ Дарья Алексѣевна, ее поддерживаютъ съ одной стороны Ваня, съ другой—рыдающая Дуничка.

Дар. Ал. (глубоко вздыхая). Ахъ, какъ здѣсь хорошо!..

Дун. Иванъ Николаевичъ, въ спальню... въ спальню...

Дар. Ал. Нѣтъ, не надо... здѣсь такъ хорошо (ее подводятъ къ кушеткѣ. Дуничка снимаетъ съ нея шляпу и платокъ.)

Дун. Какъ же, душечка, родная, вамъ бы лучше лечь, согрѣться.

Дар. Ал. Нѣтъ, ничего... мнѣ не холодно... (Дуничка накидываетъ ей на плечи свой вязаный платокъ и укладываетъ ее при помощи Вани на кушетку. Дуничка дѣлаетъ движеніе, чтобы уйти. Дарья Алексѣевна задерживаетъ ея руку.) Не отходите отъ меня... оба... такъ... (крепко прижимаетъ ихъ къ себѣ.) Дуничка, не уходи...

Дун. Душечка моя, я думала вамъ дать горячаго выпить...

Дар. Ал. Мнѣ и такъ теперь тепло... Я знала, что вы меня ждете... но я не знала, что здѣсь такъ хорошо... (Дарья Алексѣевна на нѣсколько миновеній закрываетъ глаза. Потомъ вздрагиваетъ и тѣснѣе прижимаетъ къ себѣ Ваню и Дуничку.)

Дар. Ал. Мнѣ страшно того, что было... Я долго бродила... хотѣла гнѣвъ свой уходить, и когда снова стало жалко ее... что оставалось, какъ не прорубь?... Я мѣшала ей, стало быть надо перестать мѣшать... Это такъ было

ясно, такъ нужно, что я и не замѣтила, какъ очутилась у проруби.

Ваня. Не вспоминайте... не говорите... Потомъ, потомъ... когда все пройдетъ, когда вы успокоитесь...

Дар. Ал. Нѣтъ, не мѣшай, такъ надо, надо!.. Ахъ, зачѣмъ ты остановилъ меня!.. Что я говорила?... Да!.. Я стояла у проруби и вдругъ мнѣ стало такъ стыдно... стыдно... Что я дѣлала? Я радовалась горю... которое причину этимъ, я любовалась отчаяніемъ Саши... И какъ я сама себѣ противна стала... Вся жалость къ моему страданію пропала и я точно со стороны на себя взглянула... Вотъ стоитъ мать и изъ любви къ дочери хочетъ умереть!.. Какая мерзость! Но она вѣдь изъ любви это дѣлаетъ, для счастья дочери! для какого счастья? И вотъ, въ одинъ моментъ я все поняла... все... все... Постоите... я скажу, какъ это мнѣ пришло!.. Да... Я подумала, я не только не нужна Сашѣ, я ей мѣшаю быть счастливой, я даже не дамъ ей счастья, если умру для нея... Значить, всего этого не нужно было дѣлать... значить, я скверно любила... вотъ именно это слово скверно любила... И вотъ вся моя жизнь представилась мнѣ... Вспомнила я смерть князя... Вспомнила самыя тяжелыя лишенія, и мнѣ не было больно... И вдругъ защемило!.. Я дотронулась до дня, когда я отдала ее... Когда обрадовалась, что этимъ могу утѣшить ее.

Ваня. Да могли ли вы помѣшать ей любить?

Дар. Ал. (съ мизантропическимъ возбужденіемъ.) Не надо было ни мѣшать, ни потворствовать, потому что я не знала этого человѣка. А я сначала всячески мѣшала бѣдняжкѣ любить кого она хочетъ, и навязывала ей свои мечты, а потомъ, испугавшись ея горя, впаала въ другую крайность и въ погонѣ за ея улыбками изъ страха ея слезъ научилась уступать то, чего нельзя уступать, чего нельзя касаться; отдавала то, чего нельзя отдавать! Чего я добилась? Моя дочь права, не страдала, но съ каждой моей уступкой все дальше отъ меня уходила, а я со ступеньки на ступеньку приближалась къ проруби... (Закрываетъ глаза. Пауза.)

Дун. Душечка моя, успокойтесь, отдохните...

Дар. Ал. Нѣтъ, погоди, погоди... И вотъ мнѣ сдѣлалось страшно, что я не увижу ея, не скажу того, что мнѣ стало тогда такъ ясно, и я пошла къ ней. Вѣрно, страшное у меня было лицо, потому что вдругъ я услышала, какъ кто-то сказалъ: «А еще барыня!» и засмѣялся. Тогда мнѣ показалось не къ чему идти къ Сашѣ. Вѣдь она мои слова тоже приметъ за бредъ, если не пьяной, то сумасшедшей отъ ревности и злобы... И вотъ одна мысль засѣла въ голову: надо жить, чтобы исправить

все это... (*Пауза*). Но как? как это все исправить?... Какъ мнѣ показать ей настоящаго Бориса? Вѣдь я же сама помогала ей изъ него кумира сдѣлать.

Ваня. Голубчикъ мой, вѣдь Саша счастлива по своему... Богъ съ ней! Оставьте вы ее, если она не хочетъ васъ...

Дар. Ал. Оставьте! мнѣ оставить ее такой слабой? Оставить, чтобы при первомъ толчкѣ, при первомъ облачкѣ ея вздорное счастье разлетѣлось въ дребезги! Чтобы она, какъ я, сегодня, очутилась у пропасти! Ты не думаешь что ты говоришь! Нѣтъ, я должна разбудить ее, потому что я ее усыпила... Пускай она живетъ, а не прозябаетъ, какъ до сихъ поръ: пусть знаетъ, что ея мужъ не божество, а какъ я, какъ ты, какъ она сама, какъ всѣ мы — въ темнотѣ бродить, пока жизнь и борьба не просвѣтятъ его! Но что мнѣ дѣлать для этого! что сдѣлать, Боже мой, когда она меня гонитъ?!..

СЦЕНА 5-я.

Вбѣгаетъ Сашенька, за нею входитъ Борисъ.

Саш. Мама, Мама!... (*Дарья Алексѣвна вскрикиваетъ и протягиваетъ къ ней руки. Сашенька падаетъ въ ся объятія. Большая пауза.*)

Дар. Ал. (*держитъ Сашеньку, какъ дитя, безмолвно лежащее на ея груди*). Я помню разъ, за какія-то твои проказы я не хотѣла тебя поцѣловать на ночь... Ты долго плакала, просила... а я выдержала характеръ; ты заснула въ слезахъ и лежала, вотъ какъ ты теперь... Я помню, во мнѣ мелькнула мысль: а что если я умру, и тѣмъ страданію охватить тебя... Но мысль о разлукѣ была такъ чудовищно несообразна съ моимъ настроеніемъ въ ту минуту, что я даже не испугалась... Я чувствовала: умерла бы я, умерла бы и ты... Мы были одно: ни ты безъ меня... ни я безъ тебя... И вотъ ты опять какъ въ тотъ вечеръ, такая же нилая, такая же предель, лежишь передо мною, и мы не одно больше... Мы разлучены... Но я жива и буду жить!... Я гляжу на тебя... какъ на другого человѣка, чѣмъ я, и не страдаю больше?... И опять поднимается та же торжественно свѣтлая волна неизъяснимой нѣжности, точно я вижу небо... (*Цѣлуетъ Сашеньку. Пауза. Звонокъ*). Кто это? (*Бьетъ девять часовъ*)

Дун. (*тихо Ваня*). Девять часовъ: это Micheline! съ ребенкомъ!

Бор. (*услышавъ имя, про себя*). Micheline! (*Смуценъ и встревоженъ*).

Дар. Ал. Дуничка, кто это?

Дун. (*смуценно*). Это, должно быть, та дама, которой вы велѣли прійти сегодня...

Дар. Ал. Какая дама?...

Дун. По дѣлу... вы приказали...

Дар. Ал. (*вспомнивъ*). А!... (*Смотритъ на дочь*).

Ваня. Да все равно, скажите, чтобы въ другой разъ пришла... Теперь совсѣмъ не время... (*Дуничка направляется къ двери*).

Дар. Ал. Отчего не время? (*Про себя*). Что если сразу, сейчасъ, тутъ же показать ей божество, слабымъ, ничтожнымъ, какъ всѣ мы... (*Къ Дуничкѣ*). Попроси эту женщину обождать... (*Борисъ въ смущеніи опускаетъ голову*).

Дун. (*со смущеніемъ, глядя на Бориса, котораго Дар. Ал. не видитъ*). Она можетъ прійти завтра, вѣдь все равно.

Дар. Ал. Такъ нужно, не мѣшай! (*Подходитъ къ дочери, беретъ ее за руки и пристально на нее смотритъ съ страшнымъ сожалѣніемъ*). Саша!...

Саша (*удивленно*). Что, мама?

Дар. Ал. (*съ глубокимъ чувствомъ, какъ бы про себя*). Поймешь ли ты меня? Поймешь ли, что въ эту минуту я не могу злорадствовать?...

Саша (*съ испугомъ*). Что ты говоришь, мама?...

Дар. Ал. (*обнимая дочь, почти шопотомъ*). Саша! знаешь, кто тамъ теперь?...

Дун. Бога ради, Дарья Алексѣвна! Что вы дѣлаете!...

Ваня (*одновременно*). Опомнитесь! Это безжалостно!...

Дар. Ал. Оставьте меня! Я сама знаю, что время еще не пришло! Ахъ, если бы всѣ вы понимали то, что мнѣ теперь такъ ясно!...

Саш. Мама! Что все это значить? Что отъ меня скрываютъ здѣсь?...

Дар. Ал. Саша, тамъ, въ передней, немѣдетъ другая дочь...

Саш. Какая дочь?

Дар. Ал. Сашенька, я беру на воспитаніе дѣвочку: она мнѣ здѣсь замѣнитъ тебя... (*Борисъ опускается на стулъ, закрывъ лицо руками*).

Саш. Ты хочешь меня оставить? Мама!...

Дар. Ал. Я здѣсь теперь нужнѣе, а тебѣ только мѣшала быть человѣкомъ, Саша... Пойми, бѣдная моя дѣвочка, я хотѣла тебѣ дать покой и счастье, воображая, что для этого нужно постоянно сторожить ихъ, гнать все, что

может мѣшать, имъ... А сегодня я поняла что дать счастье нельзя... Его завоевать надо... Научись страдать... Ты не жила еще, живи!

Саш. Мамочка, родная моя, я боюсь, ты оставляешь меня, потому что еще не простила Бориса.

Дар. Ал. Еслибъ я его не простила, могла ли бы я такъ спокойно такъ увѣренно уступить тебя ему... Нѣтъ!... Въ эту минуту меня ничто не смущаетъ... Ступай къ нему и не жалѣй меня, смотри, съ кѣмъ я здѣсь останусь! (Дунечка быстро уходитъ въ переднюю). Дайте мнѣ сюда ребенка! (Увидя Бориса.)

Борисъ!! Вы... Вы были здѣсь?... (Дарья Алексѣевна очень смущена и вопросительно смотритъ на Бориса. Дунечка возвращается и стоитъ, держа за руку дѣвочку лѣтъ 6. Борисъ подходитъ къ Дунечкѣ, беретъ ребенка за руку и медленно робко подводитъ его къ Дарьѣ Алексѣевнѣ.)

Бор. (очень тронутый). Да! Я бы хотѣлъ одного: чтобы вы мнѣ позволили когда нибудь сказать вамъ... матушка! (Дарья Алексѣевна протягиваетъ ему руки, онъ цѣлуетъ ихъ; она обхватываетъ его голову и цѣлуетъ какъ сына.)

